

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

СВОБОДА, ДЕМОКРАТИЯ И ГУМАНИЗМ¹

Петраков Н.Я. – академик РАН, д.э.н., профессор, директор Института проблем рынка РАН

1. Свобода и гуманизм.

Свобода слова понятна всем. Каждый член общества имеет право высказывать свои личные суждения и мнения по общесоциальным, политическим, культурным проблемам. Хотя после этого всем известного либерального тезиса возникает целый каскад ограничений. Запрещено, а кое-где уголовно преследуемо, поддержание идей нацизма, фашизма, антисемитизма, разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, свержению государственного строя, то есть революционной пропаганды. Либеральные теоретики почти поголовно поддерживают эти ограничения. И где-то они правы. Но урезанная свобода слова (всего лишь слова) таит массу подводных камней. Не пора ли запретить «марсельезу», осудить лютеранство, староверов (что и делали на Руси Романовы); и ниточка потянется дальше к декабристам, марксистам, федотовской «десталинизации». Однако свобода слова - это свобода дискуссий, борьбы зачастую противоположных мнений. Как бы ни так. Ново-русский либерализм склонен к единомыслию. Чем больше ограничений на свободу самовыражения, разнообразия мнений, тем лучше.

Приведу лишь один пример из своей профессиональной деятельности. Сразу после смерти Сталина в советской экономической науке развернулись острые дискуссии по использованию закона стоимости и рыночных рычагов в управлении экономикой (1955-1960 г.г.), по эффективности капиталовложений (1958-1965 г.г.), по стимулированию предприятий при переходе на полный хозрасчет (косыгинская реформа) и другие.

Известные экономисты Хачатуров, Либерман, Красовский, Вааг, Малышев, Немчинов, Канторович, Лурье, Вайнштейн, Новожилов, Белкин вступали в острейшие споры на Всесоюзных конференциях, на страницах журналов «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство», «Вестник статистики», «Экономическая газета», «Известия АН СССР» и др. Непримируемость дискуссий сопровождалась личным взаимным уважением друг к другу. Прошло почти полвека и младореформаторы боятся публичных дискуссий. Уклоняются от приглашений, окукливают чиновников шокотерапевтическими рецептами. Хотя среди их оппонентов есть и старая гвардия, продвигавшая рыночные идеи в тоталитарной системе, есть и относительно молодые экономисты, такие как Глазьев, Фетисов, Цветков, Кричевский, Дерябин, Ершов, а за ними молодая поросль, понявшая, что идеи

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00516-а).

Хайека и Фридмана не могут составить конкуренцию неокейнсианству, Эрхарду, экономической команде Рузвельта.

Итак, возвращаемся к свободе. Со свободой слова более или менее все ясно. Она существует в жестких рамках общественных, идеологических и государственных ограничений. Кроме того, доступность словоизъявления для слушателей или читателей в значительной степени зависит от владельцев средств массовой информации, которые выступают дополнительными цензорами в доведении слова до ушей тех, кому оно предназначается.

Уж сколько раз твердили миру, что свобода это не «воля». Воля – что пожелаю, то и сделаю. Сталин, говорят, именно так трактовал частную собственность: «мой дом, могу сжечь и свою собаку могу убить и ничего не будет, а вот жену – нет».

К сожалению, очень многие новые русские собственники или чиновники не далеко ушли от такого понимания свободы. Конечно, новые олигархи расстрельных списков не подписывали. Хотя при загадочных обстоятельствах погибли Листьев, Святослав Федоров, губернаторы Цветков, Евдокимов и т.д. Но разрешить строительство газпромовской башни в Петербурге может новый мэр вопреки старым постановлениям. И потерявший доверие Лужков столько напортачил в Москве, так реализовал свою личную свободу над Москвой, что диву даешься.

Свобода хозяев предприятий в трудовом законодательстве, в увольнениях, выплате или задержки зарплаты, нарушении техники безопасности безгранична.

Что касается чиновников, то они обладают огромной свободой в части отвода государственных земель в частные руки, закупки оборудования по завышенным ценам, регулировании расходов на социальную сферу и т.д.

О личной безответственности, а, следовательно, своеволии, чиновников высшего уровня лучше не говорить.

Аналогичные вопросы свободного выражения личности стоят и в области искусства. Где кончается искусство и где начинается осквернение чувств верующих, моральных ценностей, пропаганда порнографии? Четких границ, к сожалению, нет. Законы мало что решают. Они могут быть мягкими и жестокими. Кто их устанавливает и для кого?

Тем не менее, свобода должна быть обременена. Свобода твоего кулака заканчивается в сантиметре от моего носа, и наоборот. Тонкость, конечно, заключается в том, как в каждом конкретном случае определять, что есть кулак, а что нос.

Нам представляется, что решающим понятием ограничивающим стремление человека к полной свободе является гуманизм. Человек существует среди людей. Люди не равны друг другу. Свободное самовыражение подчеркивает и выявляет это неравенство: в умственных способностях, в эмоциях, в физическом сложении, в жизненном опыте. И это хорошо. Но каждый человек есть самоценность. Будь он уродом, инвалидом, тупым дикарем. Отсюда «клятва Гиппократа», милосердие, помощь неизлечимым детям и старикам, тактичное обращение с окружающими и многое другое.

Гуманистическое отношение создается общественной средой и быстро утрачивается, когда господствующими элементами становится «свобода», трактуемая исключительно как «воля».

Между свободой и гуманизмом возникает определенная конфронтация. В трактовке некоторых социальных групп тесно связанных с властью и олигархами свобода выражать свое мнение резко преобладает над идеями гуманистическими. Можно отщипнуть одну сотысячную от много миллиардного состояния (присвоенного тобою) для поддержки онкологически больных детей, но не более того. И чтобы пиар был обязательно широким. Но начать в России широкое производство томографов, современного диагностического и операционного оборудования, вложить инвестиции в здравоохранение, создать новые рабочие места и получать дополнительную прибыль не интересно. Здесь свободная мысль обрывается и гуманизм тоже.

Говорить в бомжатнике, что «человек – это звучит гордо» - нелепо. Надо дать человеку удочку, чтобы научился ловить рыбу. Свободные западные СМИ об этом говорят веками. Наши СМИ, считающие себя свободными, об этом ни слова. Личные судьбы Немцова, Рыжкова, Удальцова, Толоконниковой, Касьянова важнее аргументации за эффективность освоения пространства России российским капиталом.

2. Демократия референдумов.

Согласимся, что демократия в принципе власть народа. Но только в принципе. Бюрократия, мздоимство, превышение власти правоохранительных органов, коррупция прямым образом вытекают из тех форм демократии, которые общество взяло на вооружение.

А суть – в характере волеизъявления народа. Городские собрания древних греков, народное вече, Вселенские соборы, Генеральные штабы, Учредительные собрания, швейцарские референдумы, все это попытки на разных этапах человеческой истории выявить прямое мнение народа о животрепещущих путях развития общества.

Опыт реформирования Советского Союза и России свидетельствует о том, что мнения граждан не только не учитывались, но зачастую издевательски извращались. Вспомним референдум о сохранении СССР: «хотите ли вы жить в обновленном Союзе». Кто будет обновлять? В чем смысл обновления? Большинство проголосовало «да», а через несколько месяцев СССР не стало. Или Ельцинский референдум: голосуйте «да-да-нет-да». Голосуйте сердцем!

Вновь избранные законодательные органы (кстати, избранные практически свободно) решали вопросы, не входящие в их компетенцию. Например, самоназначенный президент СССР Горбачев решил утвердить это назначение на Съезде народных депутатов СССР. Но значительная часть депутатов заявила, что президент СССР (такого поста еще не было в истории страны) должен избираться всенародно. Логично. Депутаты стали колебаться. Но взял слово академик Дмитрий Лихачев (очень симпатизировавший Горбачеву) и начал убеждать съезд, что не народ, а съезд должен сделать Горбачева

президентом СССР. Авторитет Лихачева подействовал. Но после путча ГКЧП Горбачев практически стал никем. Съезд народных депутатов СССР практически перестал функционировать. А история могла повернуться иначе. Только не надо было брать на себя функции, которые вы не уполномочены исполнять.

Следует четко отличать прямую демократию – референдума от демократии делегированной.

К формату прямой демократии должны быть отнесены кардинальные вопросы государственного устройства, внутренней и внешней политики, разделения властей, а с другой стороны, - вопросы, которые могут входить в сферу интересов местного самоуправления.

Остановимся на этом несколько подробнее. Каким должно быть государство: монархией, президентской или парламентской республикой – это предмет референдума. Должна ли быть страна с федеральным устройством и каковы границы и права субъектов федерации – следует решать на референдуме.

Всенародного обсуждения требуют и такие принципиальные вопросы как срок президентских полномочий и порядок смены власти при досрочной отставке президента. Ведь по нынешней конституции РФ отставка Ельцина предполагала переход президентских полномочий к премьер-министру (совмещение двух постов в одном лице). Этот новоявленный и.о. президента готовит избирательную кампанию, и он же может баллотироваться в президенты. Вот так юридически закреплён административный ресурс в нашей конституции.

Или другой пример. В 2011 году Единая Россия на выборах в Госдуму получила менее 50 процентов голосов, а мандатов ей было выдано более половины. По избирательному закону она, как и другие партии, преодолевшие избирательную планку, присвоила себе голоса, поданные в частности за «Яблоко». Поэтому не ловить надо жуликов на избирательных участках, а менять закон о выборах.

Другой сферой восстановления прямой демократии являются условия жизнеобеспечения населения поселков, улиц, микрорайонов. Чиновники среднего уровня постоянно игнорируют мнения людей при точечной застройке, ликвидации детских площадок, размещении торговых точек, проведении дорожных работ.

Протестующие против произвола чиновников инициативные группы часто занимают экстремистскую позицию, не хотят обсуждать альтернативных вариантов решения вопросов. Цивилизованный референдум мог бы снять обостренное противостояние чиновников и населения.

Привлекательность прямой демократии наталкивается на очевидные ограничения. Главное из них - некомпетентность и непрофессионализм голосующих на референдумах. Действительно, каждый ли гражданин страны может определить уровень обороноспособности государства или оптимальное соотношение ядерной, гидро и тепловой энергетики в энергобалансе страны. Роль космических исследований, нанотехнологий, генномодифицированной

сельхозпродукции в развитии общества может определяться только профессионалами и прогнозируется с разной степенью вероятности. Поэтому население делегирует часть своих прав избранным представителям в законодательной и исполнительной власти. Именно здесь смысл парламентской, законодательной и судебной власти. В выборе конкретных носителей этих ветвей власти в демократическом обществе и заключается делегирование полномочий избирателей к лицам, которых они считают компетентными в сложных внешне и внутреннеполитических проблемах развития государства и общества.

Так ли это происходит в России? Многие годы в Государственной думе заседают прожженные политики, политологи, которые хорошо знают, куда дует ветер из кремлевских кабинетов, бывшие спортсмены, артисты, оплатившие депутатскую неприкосновенность олигархи и партийные функционеры. Профессионалов в экономике, социальной политике, межнациональных отношений среди депутатов практически нет. Исполнительная власть формируется совершенно независимо от мнения избирателей при выборах в федеральные и местные органы. Процедура формирования судебной ветви власти требует специального исследования.

Оппозиционеры, пытающиеся войти во власть, по сути, мало чем отличаются от властимущих. По существу проблем, стоящих перед Россией, им нечего сказать кроме «Богородица – убери Путина». У лидеров оппозиции нет программы реформ. Немцов и Касьянов были удалены из власти не потому, что они имели собственную программу преобразования экономики страны. Кудрин имеет программу, которая при его вице-премьерстве завела страну в тупик, создав огромный стабилизационный фонд, потраченный в период кризиса на спасение коммерческих банков и монопольных корпораций. Попытки сформулировать нечто позитивное у Удальцова, Каспарова, Рыжкова, Навального, Яшина, Лимонова вызывают жалость к их авторам. Они по сути своей разрушители, а не созидатели: «мы старый мир разрушим до основания, а затем мы наш мы новый мир построим – кто был никем, тот станет всем».

Оппозиция требует новых выборов, и будет требовать их снова и снова до тех пор, пока население по каким-то непонятным причинам призовет оппозиционеров во власть. Призыв Навального: «На митинги надо ходить как на работу!» выглядит довольно странно. Если человек будет все свое свободное время отдавать посещению митингов, то для профессионального роста у него не хватит ни сил, ни здоровья. Чем человек беднее, тем с большим энтузиазмом он требует политических реформ, смены власти. Это, господин Навальный, Россия уже проходила ровно сто лет назад. Среди радетелей за благо народа вначале двадцатого века произошел раскол. Одни требовали восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты, роста налогов на богатых, бесплатных больниц и школ, развития кооперативного движения. Другие – презрительно называли это движение «экономическим». И возглавлял этих других Ульянов – Ленин. Он призывал к коренным политическим реформам, к смене политической власти. И в ноябре 1917 года она пала в объятия большевиков.

Теперь на коне политических реформ во власть хотят въехать либералы. Но на митинги вместе с ними ходят и левые, и националисты, и монархисты. А у них совсем иные требования к власти и не только политические, но и экономические и социальные.

Митинговая демократия это тупиковая «демократия», это «демократия» переворотов, цветных революций, приводящих к власти прямых или скрытых погромщиков. Истинная демократия в идеальном смысле – демократия референдумов в сочетании с честными выборами законодательных и исполнительных органов управления.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА ПОРОГЕ КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Богомолов О.Т. - академик РАН, Советник РАН, д.э.н., профессор

Тема моего выступления выходит за рамки тематики конференции. Речь пойдет о происходящих или только начинающихся кардинальных переменных в жизни человечества. Но эти перемены имеют и свой региональный аспект, хотя он не является центральным.

Процесс социальной эволюции на нашей планете подошел к критической фазе макросдвига. Это сопровождается социальным и культурным разладом и даже хаосом, когда политические режимы проявляют беспомощность перед лицом надвигающихся перемен, а большинство населения стихийно выплескивает свое недовольство, порой прибегая к насильственным действиям.

Преодоление деструктивных сторон макросдвига и нахождение ответов на вызовы новой эпохи начинают занимать умы многих политиков, ученых и общественности². Предстоит, прежде всего, четко представить суть и серьезность этих вызовов, опасность запоздалой реакции на них. К сожалению, развитие научной и политической мысли и общественного сознания явно не успевают за событиями.

Тем не менее, попытки переосмысления прежних взглядов уже появляются. «Рыночный фундаментализм... последних 20 лет драматически провалил экзамен», - говорится в докладе ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы...»³.

Подобные высказывания разделяются не всеми аналитиками. Но они свидетельствуют о начинающейся революции в умах.

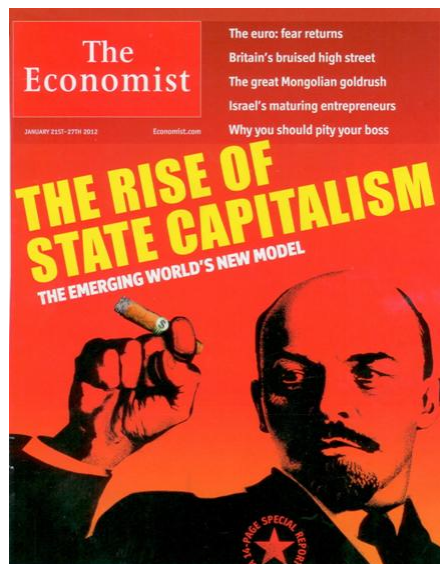
«Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван «государственный капитализм»⁴. Его впечатляющим примером служит китайская модель. Многие государства (от Латинской Америки до Среднего Востока) склонны подражать Китаю.

Восход государственного капитализма

² Ласло Эрвин. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) изд. Тайдекс Ко. М. 2004.

³ The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. UN, New York, 2009, p. III.

⁴ The Economist. 2010. January 23–29. P. 22.

«Финансовый кризис должен был бы научить американцев (и других) необходимости большего равенства, более жесткого регулирования и лучшего равновесия между рынком и государством. К сожалению, этого не произошло. Совсем наоборот, возрождение экономики правого толка, управляемой идеологией и группами с особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике, или, по крайней мере, Европе и Америке, где эти идеи продолжают торжествовать»⁵.

Наблюдается оживление интереса к теории конвергенции. О «Третьем пути между сегодняшним глобальным капитализмом и вчерашним скомпрометированным социализмом» размышляет Д. Стиглиц⁶. Разворачивается дискуссия о роли государства. Эта роль возрастает не только в развитии рыночной экономики, науки, техники и культуры, но и в обеспечении социального мира и согласия, умножении социального капитала.

Во всем мире на государства сегодня ложатся все более ответственные функции преодоления провалов рыночных механизмов. В течение 20 века его роль возросла не только в развитии экономики, науки, техники и культуры, но и в обеспечении социального мира и согласия, в умножении социального капитала, важнейшим элементом которого является доверие населения к общественно-экономической системе, государственной власти, а также социальная справедливость.

В России особого участия государства требуют: а) преодоление опасного имущественного расслоения населения, б) остановка разорительной инфляции, в) продолжающегося процесса депопуляции, г) прекращение масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, д) пресечение разгула преступности и коррупции, е) уменьшение безработицы. К этому следует добавить защиту интересов, прав и свобод граждан и, разумеется, обеспечение безопасности страны и поддержание гражданского мира и порядка.

МВФ констатирует в своем обзоре: «Переоснащение мирового развития»: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно

⁵ Stiglitz J. Ideological Crisis of Western Capitalism. URL: <http://www.project-sidicate.org/series/>.

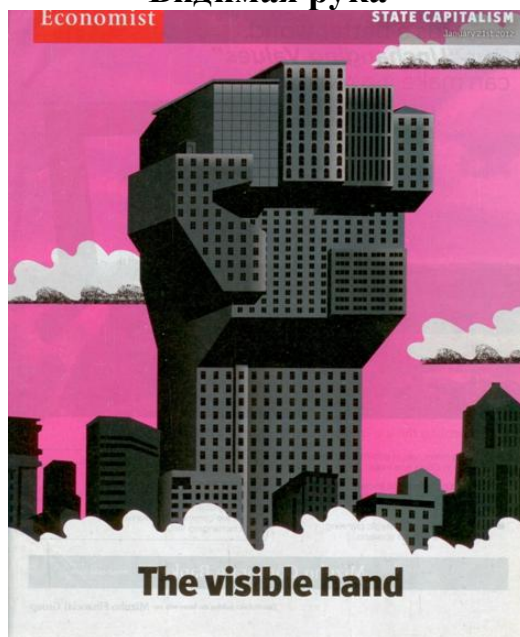
⁶ Stiglitz J. Ideological Crisis of Western Capitalism. URL: http://www.project-sidicate.org/series/unconventional_economic_wisdom

заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку»⁷.

К сожалению, самый действенный рычаг преобразований - государственный механизм управления и соблюдения порядка - оказался в России разлаженным, недостаточно компетентным, разъеденным коррупцией, лишенным «иммунной» системы, очищающей его от пороков и страхующей от грубых ошибок. Необходимость его оздоровления и укрепления очевидна.

Российский частный бизнес в большинстве своем скомпрометирован ненасытной жаждой наживы, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением национальными интересами и правопорядком, а нередко и сращиванием с криминалом. Нашей рыночной экономике нужна видимая рука государства, разумное сочетание централизации и демократизации управленческих решений, построение эффективного федерализма, а не только вертикали власти.

Видимая рука

Важно понять природу тех сил, которые вызывают кардинальные изменения жизнеустройства человечества. И тут полезно вспомнить учение о базисном значении производительных сил в историческом процессе. Их постоянное совершенствование не обходятся без социально-политических последствий. Эту причинно-следственную связь подтверждают и сегодняшние реалии.

Большие ожидания, например, связаны с применением в обрабатывающих производствах трехмерных (3D) принтеров, управляемых компьютерами. Вместо кузнечных, токарных, фрезерных и сверлильных работ они позволяют выпускать многие виды продукции с помощью компактных устройств путем послойного нанесения специальных материалов, формирующих шаг за шагом

⁷ World Economic Outlook Supporting Studies IMF. 2010. P. 35.

запрограммированное конечное изделие. Становится возможным производить в миницехах товары безотходно, с издержками, сравнимыми с крупосерийным производством.

Продукция 3D принтера

Рентабельное производство на компактных предприятиях, как в городах, так и в сельской местности может способствовать более быстрому стиранию граней между городом и деревней, сельскими и городскими видами труда, возрождению заброшенных поселений, сглаживанию культурных различий. А главное обещает более равномерное территориальное расселение населения и размещение промышленности, что для России особо актуально.

Наиболее значимые социально-политические последствия имеет происходящая на наших глазах информационная революция. То, что 10-20 лет тому назад было редкостью, стало обыденным явлением. Повсеместное применение компьютеров для управления производственными процессами и административной деятельности, контроля за тем и другим, для передачи и получения информации. Электронная техника вторглась в жизнь большинства семей.

Никогда прежде жители планеты не находились во власти такого мощного влияния на умы и эмоции, на людское поведение, как это стало возможным в информационном обществе. Разруха начинается в головах, а затем распространяется на все общественные отношения. Но, с другой стороны, возрождение и расцвет наций связан с пробуждением и подъемом народного духа и культуры. Душевное и идейное состояние людей во многом формирует общественная и информационная среда, в которой они живут, в том числе идеологические концепции, которые овладевают умами.

Ни одна сила на земле, по выражению Виктора Гюго, не в состоянии остановить идею, время которой пришло. А журнал «Экономист» отмечает: «Могучая сила, формирующая политику, - это не кровь или деньги, а идеи.

Мощные движения прошлого – коммунизм, фашизм, демократия, либерализм – все они были порождены влиятельными идеями, хорошими или плохими»⁸.

Мы свидетели зарождения влиятельных социально-экономических идей, отвечающих новому качественному состоянию науки и техники, а также человеческого потенциала. Они обосновывают увеличение инвестиций не только в технику, но и в человека, реформирование общественно-политических порядков. Не удивительно, что в XXI веке все чаще мы слышим призывы сделать стратегическим приоритетом развитие культуры, науки, образования, профессиональных способностей людей труда, укрепление здоровья, воспитание гражданских и нравственных качеств населения.

Новый технологический уклад рождается на почве расцвета культуры и знаний. Демократические процедуры, если они сознательно не выхолащиваются, а честно соблюдаются, делают возможным такой расцвет. Они обеспечивают выдвижение талантливых личностей, отбор наиболее честных и способных лидеров, выработку эффективной политики на основе учета доводов «за» и «против». В результате более полно раскрываются творческие потенции общества.

Происходящий в развитии человеческой цивилизации МАКРОСДВИГ имеет ДВЕ взаимосвязанные стороны: новая ступень в развитии техники и технологии и соответствующее ей качественное преобразование общественного устройства и международных отношений на демократических началах.

И те и другие перемены происходят в борении старого и нового, в результате чего достигается переход на более высокую ступень социально-экономического развития.

КОНКУРЕНЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Татаркин А.И. - академик РАН, д.э.н., профессор, директор Института экономики УрО РАН

Одной из знаковых особенностей современного экономического пространства является вступление экономики в фазу глобализации, характеризующегося, в частности, обострением конкурентной борьбы между территориями (странами, регионами, городами) за создание более комфортных условий для развития бизнеса. Конец XX века – начало XXI века наглядно демонстрируют развернувшуюся борьбу между территориями за население, туризм, инвестиции, бизнес – и, в конечном счете, - за сферы влияния на национальном и мировом рыночном пространстве.

Нами уже обосновывалось положение [1, С.29-30], что *под конкурентоспособностью субъекта рыночных отношений понимается его способность формировать конкурентные преимущества, использовать их в*

---

⁸ The Economist, January 22, 2011.

* Статья подготовлена на средства ведущей научной школы РФ – Грант Президента РФ НШ-6507.2012.6 «Конкурентное существование территорий в современном экономическом пространстве».

интересах системного и устойчивого развития и удерживать их в течении длительного времени. Ее особенности:

- способность создавать преимущества перед другими участниками рынка посредством активного использования в производстве и управлении инновационных решений и разработок;
- максимально использовать их в интересах развития, увеличивая производство товаров и услуг, повышая их качество и снижая затраты;
- удерживать созданные преимущества от использования другими субъектами рынка постоянным обновлением производства.

Примечательно, что перевес в усиливающейся конкурентной борьбе получают не только и не столько те территории, которые изначально имеют преимущества объективного характера (природно-климатические и транспортные условия, земельные, водные, минерально-сырьевые и трудовые ресурсы, производственный и научно-образовательный потенциал и т.д.) или значительные материальные активы, созданные в процессе предшествующей экономической деятельности людей. В современном экономическом пространстве хорошие перспективы в глобальной конкуренции получают и те территории, которые содействуют росту мобильности своей экономики, включая «созидательное разрушение» на соответствующем страновом, региональном, муниципальном рынке хозяйствующих субъектов посредством входа на рынок новых компаний и ухода с рынка старых компаний. Укрепляют свои конкурентные позиции и территории, которые активно формируют и реализуют свои нематериальные активы, включая привлекательный имидж и позитивную репутацию, позволяющие им успешно конкурировать за инвестиции, госзаказ, целевые программы и другие источники территориального развития и решения социальных, экономических и инфраструктурных проблем территории.

Признание существования межтерриториальной конкуренции как объективной реальности не исключает неоднозначного отношения к ней. В 2007 и 2010 гг. Институт экономики УрО РАН проводил социологические опросы на территории Уральского федерального округа, в которых приняли участие представители органов власти, бизнесмены и эксперты, в качестве которых выступали представители научного сообщества. Эти опросы показали, что большинство респондентов (более 80%) – поддерживает конкуренцию между территориями (субъектами РФ либо между муниципальными образованиями) поскольку она активизирует руководство, население и рыночных агентов территории на формирование, использование и удержание конкурентных преимуществ. При этом, если среди представителей власти доля тех, кто «положительно» и «скорее «положительно» относится к территориальной конкуренции, имеет некоторую тенденцию к повышению (с 83% в 2007г. до 87,5% в 2010г.), то среди представителей бизнеса наблюдается обратная картина – 89% в 2007 году и лишь 75% - 2010 году.

Территориальная конкуренция – относительно новое, но уже весьма заметное направление экономической теории, региональной (муниципальной) экономики и маркетинга. Представляется своевременным активизировать

исследования такого «пионерного» понятия как «Конкурентный иммунитет территории» [2. С. 50-61]. Для обсуждения выдвигается следующее толкование предлагаемого понятия: конкурентный иммунитет территории это не только ее способность успешно вести конкурентную борьбу с другими регионами и городами за инвестиции, бизнес, за людей и т.д. Это безусловно главное, но не единственное направление деятельности. Это и способность территории на протяжении длительного времени противостоять потенциальным рискам от внешних и внутренних потрясений (в т.ч. кризиса, стихийного бедствия, аварии и других чрезвычайных ситуаций), ее способность восстанавливаться после деструктивных событий благодаря наличию внутренних, порой еще не востребованных и не задействованных ресурсов и активов.

Актуальность концентрации внимания на сохранение и укрепление конкурентного иммунитета территории вызывается и тем, что в современном экономическом пространстве с его регулярными кризисами, стихийными бедствиями, терактами и прочими нестандартными ситуациями руководителям стран, регионов и городов уже нельзя не задумываться о снижении уязвимости своих территорий и постоянно приходится заниматься вопросами как безопасности (и соответствующего снижения вероятности сбоя), так и жизнестойкости территории (развития способности быстро восстанавливаться).

Возрастающий интерес к проблемам территориальной конкуренции инициируется и тем обстоятельством, что регионы и муниципалитеты *постепенно становятся самостоятельными экономическими субъектами национальной экономики, активнее включаются в международные экономические проекты*. В современном мире конкурентную борьбу ведут уже не только хозяйствующие субъекты, но и отдельные территории (страны, регионы и города), которые все ярче и многограннее заявляют о себе как о самостоятельном субъекте мировой конкуренции.

Видится перспективным подход к раскрытию сущности территории, с одной стороны, как **особого товара, специфической мультиполезной потребительной стоимости**, которая удовлетворяет нужды основных групп потребителей территории: жителей, проживающих на территории; бизнеса, осуществляющего свои операции на территории; госорганов и др. С другой стороны, территория представлена в экономическом пространстве как **мегапредприятие (квазикорпорация)**, производящее и предоставляющее определенный комплекс благ и услуг, удовлетворяющих потребности целевых аудиторий⁹.

Определенной новизной нашей концепции эволюции территориальной конкуренции в экономическом пространстве является рассмотрение активов территории. Под активами территории понимается особая совокупность разнообразных элементов, которые, будучи вовлечены в процесс производства и воспроизводства, способны приносить доход, т.е. играть роль капитала или активов, материальных или нематериальных, имеющих стоимость (или стоимостную оценку). При этом предложена следующая классификация материальных и нематериальных активов территории.

Материальные активы территории:

- ✓ присущие от природы: земля, вода, природные ресурсы, минерально-сырьевые ресурсы и т.д.)
- ✓ производные от экономической деятельности людей: производственные, социальные и жилые объекты, производственная, социальная и коммунальная инфраструктура, финансовые и инвестиционные ресурсы и т.д.

Нематериальные активы территории:

- ✓ историческое и культурное наследие и ресурсы;
- ✓ инновационные, информационные и консалтинговые ресурсы;
- ✓ институциональный капитал, в т.ч., законодательство;
- ✓ политические активы и эффективность руководства;
- ✓ кадровый потенциал;
- ✓ официальная территориальная символика (герб, флаг, гимн);
- ✓ имидж и бренд территории;

---

⁹ Дополнительным подтверждением данного утверждения является осуществленная Счетной палатой калькуляция затрат на предоставляемые государственными и муниципальными органами услуги [3. С.13], среди которых преобладает оплата труда административно-хозяйственного персонала (58,0%), расходы по содержанию имущества (12,5%), коммунальные расходы (4,5%), прочие расходы (25%) и прибыль (от «0» до 6,0%).

✓ репутация территории.

В этой связи акцентируем внимание на предложенных толкованиях имиджа и репутации территории, которые рассмотрены в качестве стратегических составляющих нематериальных активов территории.

Имидж территории - это набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории.

Репутация территории - это объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений о территории, сформировавшихся у людей (человека) на основе полученной достоверной информации о ней, личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов (комфортность проживания, безопасность, социальная защищенность, степень благоприятности условий для ведения бизнеса, авторитет властей и т.д.).

Укрепление конкурентного иммунитета территории непосредственно связано и с мобильностью компаний в данном регионе или городе, вступлением на рынок новых фирм и уходом старых. Актуальность проблемы мобильности компаний на рынке хозяйствующих субъектов связана, в том числе, и с тем, что территории конкурируют друг с другом, прежде всего, через национальные (региональные) предприятия и организации, производящие соответствующие товары/услуги и платящие соответствующие налоги в бюджеты разных уровней. Именно эффективные компании, а не природные ресурсы, являются сегодня, как никогда ранее, первоисточниками создания добавленной стоимости в экономически развитых странах и регионах, обеспечивают им успех в глобальной конкурентной борьбе. По имеющимся в литературе оценкам от 20% до 30% прироста общей производительности труда в экономически развитых странах приходится на фактор оборачиваемости компаний на рынке [2.С.220-235].

Следует отметить, что при прочих равных условиях высокая мобильность компаний на рынке хозяйствующих субъектов того или иного региона может рассматриваться в качестве одного из показателей сильного конкурентного иммунитета территории. Например, за 2001-2011 гг. среднегодовая общая оборачиваемость компаний (вход и выход с рынка) в % к общему количеству компаний на рынке хозяйствующих субъектов в индустриально развитых Свердловской и Челябинской областях составляла соответственно 17% и 15%, то в менее экономически развитой, преимущественно аграрной Курганской области среднегодовая общая оборачиваемость компаний составляла не многим более 12%. Заметим, что среднероссийский показатель оборачиваемости составлял около 14%, а в экономически развитых странах оборачиваемость компаний в среднем на уровне близком к 22%.

С 2001 по 2011 гг. общая оборачиваемость организаций росла по всем без исключения федеральных округам и в большинстве субъектов Российской Федерации. Наиболее высокое ее значение сохраняется в последние годы в

Сибирском, Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Эти же федеральные округа демонстрируют наиболее заметный выход старых компаний с рынка хозяйствующих субъектов. Лидером по входу новых компаний на рынок среди федеральных округов является Уральский округ, а внутри его тон задает Свердловская область.

Региональные различия в мобильности компаний объясняются рядом факторов, среди которых специфические особенности существующего потенциала территории (сырьевая и отраслевая специализация, уровень инфраструктурного обустройства и т.д.), развитость институциональной среды, место и роль в общероссийском разделении труда. Однако анализ данных о «перемешивании организаций», как правило, указывает на то, что в динамично развивающихся регионах, отличающихся высоким конкурентным иммунитетом темпы входа новых компаний на рынок хозяйствующих субъектов выше, чем в других регионах. В значительной степени общая оборачиваемость организаций по территориям страны определяется также насыщением рынка хозяйствующих субъектов малыми предприятиями, организациями с участием иностранного капитала, а также интенсивностью процессов слияния и поглощения организаций.

Результаты наших исследований позволяют утверждать, что территориальная конкуренция в экономическом пространстве будет прогрессировать, наполняясь новыми формами и институтами. К сожалению, современная Россия остается слабо подготовленным игроком для конкурентной борьбы как на мировом экономическом пространстве, так и не готова институционально для результативной конкуренции своих регионов и городов [2. С. 509-520].

В условиях взятого страной курса на модернизацию и инновации, по меньшей мере, странно выглядят результаты проведенного исследования, касающиеся лидерства в инновациях как конкурентной цели территории: среди представителей власти этот пункт не набрал в 2010 году и 2% (бизнес - немногим более 5%, эксперты - около 11%). Приведенные данные показывают, сколь мало ориентировано общество в целом и особенно органы власти на инновационный путь развития. Проведенные опросы убедительно показали, что представители властных структур практически не рассматривают в качестве индикаторов конкурентоспособности территории степень ее инновационной активности, уровень и структуру внешнеэкономической деятельности, мобильность компаний.

Не менее показательны результаты опроса членов Союза промышленников и предпринимателей Свердловской области в январе-марте 2012 г. на предмет: «В каких областях предприниматели испытывают наиболее весомую нагрузку на бизнес со стороны федеральных и региональных органов власти».

Представители бизнеса проанализировали 5634 административные функции госорганов в регионе. Анализ показал, что 1468 функций могут рассматриваться как избыточные, что подтвердили и сами региональные чиновники. 263 функции оказались дублирующими, 868 – требующие изменения. Почти половина функций (2599) требуют пересмотра и уточнения.

Рейтинг	Сфера государственного регулирования	Количество ответов
1	Налогообложение	90
2	Тарифы естественных монополий	64
3	Требования Ростехнадзора	31
4	Страхование особо опасных объектов	22
5	Техническое регулирование	22
6	Судебная система	15
7	Конкуренция с госпредприятиями	10
8	Требования Роспотребнадзора	1
8	Требования Роскомнадзора	1
8	Конкуренция с бизнесом из КНР	1
8	Коррупция	1
8	Непамерные страховые взносы	1
8	Несовершенство ФЗ № 94	1
8	Несовершенство пенсионной системы	1
	ИТОГО	280

Беспокоит региональный бизнес и постоянный рост количества лицензий на право осуществления тех или иных видов хозяйственной деятельности, их стоимости и участвующая периодичность обновления и замены. Отмечается формальное отношение федеральных и региональных органов власти к проблемам конкурентоспособности территорий [4, С. 133].

Подводя итог, выделим важнейшие мотивы территориальной конкуренции в современном экономическом пространстве:

*конкуренция между территориями в глобальной экономике заметно прогрессирует и расширяется;

*на первый план выдвигается проблема формирования конкурентного иммунитета территории, а не только обеспечение конкурентного преимущества;

*формирование конкурентного иммунитета требует активной деятельности территориальных органов власти в партнерстве со всеми заинтересованными группами (население, бизнес, инвесторы и т.д.) и непременно с учетом их интересов;

*стратегической целью территориальной конкуренции следует признать обеспечение растущего уровня и качества жизни населения территории, формирование институтов и механизмов эффективного использования конкурентных преимуществ территории для обеспечения комфортной жизни, возможностей для учебы, отдыха, ведения бизнеса, капиталовложений и т.д.;

*территориальная конкуренция в российских регионах и городах еще не стала стимулом повышения их инновационной активности, что актуализирует выработку необходимых рекомендаций для «запуска» этого процесса;

*территориальная конкуренция все активнее воздействует на повышение мобильности экономики субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, инициируя на подведомственных им территориях вход на рынок новых компаний и уход старых компаний;

*сегодня территориальная конкуренция включает в себя борьбу между регионами и городами за наращивание их нематериальных активов, включая разработку специальных проектов по формированию привлекательного имиджа и позитивной репутации территорий.

В заключении подчеркнем, что важнейшим условием полноценной конкуренции территорий становится институт постоянного и главное, - качественного мониторинга территориального развития в конкурирующей среде в интересах, во-первых, выявления и устранения «слабых звеньев» в территориальном развитии и, во-вторых, придания дополнительного импульса «прорывным направлениям» территориальной конкуренции, способных вывести территорию на новый уровень социально-экономического развития.

Литература:

1. Татаркин А.И. Конкурируют не только фирмы, но и территориальные корпорации. – «Губернский». 2008. №4. С. 28-29.
2. Важенин С.Г., Берсенев В.Л., Важенина И.С., Татаркин А.И. Территориальная конкуренция в экономическом пространстве. Екатеринбург: изд. ИЭ УрО РАН. 2011. 540 с.
3. Горегляд В. Программное бюджетирование в системе стратегического планирования в России. – «Федерализм». 2012. №1. С. 7-16.
4. Ускова Т., Гутникова Е. Проблемы функционирования и направления развития института местного самоуправления. – «Федерализм». 2012. №1. С. 127-136.
5. Швецов А.Н. о новых веяниях и стереотипах прошлого в современной региональной политике. – «Журнал новой экономической ассоциации». 2011. №10. С. 158-161.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹⁰

Цветков В.А. - член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заместитель директора Института проблем рынка РАН,

Морозов И.Н. - к.э.н., профессор, заместитель руководителя Россотрудничества.

Несмотря на регулярные заявления о тесной дружбе и взаимовыгодном партнерстве, между государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) все последние годы наблюдались длительные периоды охлаждения отношений и значительного дистанцирования друг от друга, как политического, так и экономического. Экономическая целостность постсоветского пространства подвергалась серьезным испытаниям, его раздирали многочисленные торговые, энергетические, транзитные и иные войны.

---

¹⁰ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00516-а) и РГНФ (проект № 11-02-00615а).

Среди наиболее значимых причин, тормозящих международное сотрудничество и интеграционное взаимодействие стран Содружества, в первую очередь, необходимо выделить следующие.

1) Крайне низкий количественный уровень экономического взаимодействия стран СНГ, их переориентации на других партнеров.

Важнейшими показателями, характеризующими степень эффективности интеграционных процессов являются объём и динамика внешнеторгового оборота. Вместе с тем, сегодня можно отметить крайне низкий количественный уровень экономического взаимодействия стран СНГ, их переориентации на других партнеров. За прошедшие 20 лет с момента образования товарооборот между странами Содружества сократился более чем в четыре раза. В первую очередь, это касается самой России. Если в 1991 году удельный вес стран СНГ в совокупном российском внешнеторговом товарообороте равнялся 60%, то сейчас этот показатель снизился до 15%. Для сравнения: удельный вес внешней торговли РФ со странами Евросоюза увеличился за последние годы до 54% и имеет тенденцию к дальнейшему росту.

С 1995 по 2011 гг. доля СНГ в российском экспорте снизилась с 19% до 16%, а доля импорта соответственно с 19% до 13%. Например, наш импорт из Китая в 2010 году превысил весь импорт из СНГ, а в экспорте доля Нидерландов существенно превосходит удельный вес стран ЕврАзЭС. Это особенно заметно на примере энергоносителей: в 1992-1994 гг. Россия отгружала в СНГ в натуральном выражении более 40% всех экспортируемых энергоресурсов, а в последние годы – 15-16%. Не отстают от нас Азербайджан и Казахстан, направляя практически всю экспортируемую нефть в дальнее зарубежье.

Наиболее значимыми факторами, обуславливающих крайне низкий количественный уровень экономического взаимодействия стран СНГ являются:

- процессы географической диверсификации внешнеэкономических связей в условиях рыночных преобразований, либерализации ВЭД и ориентации на коммерческий эффект;
- сближение экспортных структур стран Содружества под влиянием падения конкурентоспособности большинства их обрабатывающих производств;
- увеличение потребностей государств СНГ в инвестиционных товарах и качественных потребительских изделиях (что способствовало повышению удельного веса в импорте стран дальнего зарубежья (особенно ЕС и Китая));
- форсированная либерализация торгового режима (большинство стран СНГ в короткие сроки значительно снизили степень тарифной защиты).

По результатам 2011 года внешнеторговый оборот России со странами СНГ в 2011 году составил 122,56 млрд. долларов США и вырос по сравнению с 2010 годом на 35,0%. Поэтому, сегодня можно говорить об изменении данной тенденции и об увеличении товарооборота между нашими странами, но проблема до конца еще не решена и решить ее в ближайшее время будет достаточно трудно.

Мировой опыт убедительно показывает, что страны, находящиеся на ранних стадиях развития, не только не испытывают особой нужды в интегрировании своих рынков, но и не могут пойти на это по объективным причинам. Дело в том, что отраслевые структуры производства и экспорта аграрно-сырьевых стран или даже стран, поднявшихся на первые ступени индустриализации и производящих базовые инвестиционные ресурсы либо простейшие потребительские товары, не столько взаимодополняют друг друга, сколько конкурируют между собой. Поэтому они не притягиваются друг к другу, а отгораживаются торговыми барьерами.

Реальная интеграция начинается лишь по достижении странами-участницами достаточно высокого уровня технико-экономического развития, присущего четвертому технологическому укладу. Именно на этой материальной основе в 1950-х годах зародились и стали успешно развиваться интеграционные процессы в Западной Европе и Северной Америке.

2) Структурно-динамические расхождения интересов России и партнеров по СНГ в направлении развития взаимного сотрудничества.

На постсоветском пространстве на РФ приходится 72% совокупного регионального ВВП (в паритетных ценах), 70% суммарного экспорта товаров и услуг. В ВВП стран ЕврАзЭС и Таможенного союза доля России составляет около 90%. По оценкам Всемирного Банка, российская экономика больше экономик Киргизии, Молдавии и Таджикистана в 150 раз, экономик Армении и Грузии – в 100 раз. Валовой национальный доход на душу населения в РФ в три раза больше, чем на Украине, и в 11-16 раз выше, чем в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане.

В свою очередь, разница экономических потенциалов России и других стран СНГ обуславливает объективное различие в интересах сторон в ходе развития взаимного сотрудничества. Для России как доминирующей державы в регионе основными являются долгосрочные геэкономические задачи по реинтеграции хозяйственного пространства Содружества. Наши же партнеры по СНГ заинтересованы, прежде всего, в максимизации текущих выгод сотрудничества, связанных с получением различного рода субсидий (прямых и косвенных) и преференциальным доступом на емкий российский рынок.

По данным платежного баланса РФ за 2010 год,

- поставки энергоносителей из РФ в СНГ по ценам существенно ниже мировых составили 40 млрд. долл. и принесли значительные косвенные выгоды экономике стран Содружества в плане общего повышения конкурентоспособности, особенно энергоемких производств;

- чистые платежи нашей страны в пользу СНГ по статьям, связанным с трудовой миграцией, приблизились к 70 млрд. долл.;

- приток капитала в страны СНГ составил 60 млрд. долл. (сальдо по прямым инвестициям, по ссудам и займам непросроченным, по торговым кредитам и авансам, др.)

К сожалению, наша экономическая помощь не очень эффективно конвертируется в политические бонусы на межгосударственном уровне СНГ. Все усилия РФ по реализации эффективного реинтеграционного проекта в СНГ

принесли минимальный результат. Потрачены время и средства. Российское энергетическое и финансовое донорство, раскрытие внутреннего рынка для товаров из СНГ, многочисленные торгово-политические и прочие уступки практически никак не стимулировали интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Экономические связи между нашими странами куда интенсивнее и ближе, нежели политические. Это наше отличие от Запада. Экономические отношения у стран СНГ с Западом могут быть слабыми – но политические на порядок лучше и интенсивнее.

3) Политическая и экономическая экспансия «нерегиональных конкурентов» на пространстве СНГ на фоне отсутствия внятной стратегии России по отношению к бывшим советским республикам.

Равновесие сил на пространстве СНГ заметно разрушается под воздействием растущей политической и экономической конкуренцией со стороны Евросоюза, США, Японии, Китая, Турции. И Россия, следует признать, всё больше проигрывает в этом жёстком противоборстве. На карту поставлено будущее России как одного из мировых экономических центров.

Наши конкуренты и на Западе и на Востоке хорошо понимают проблемы которые возникают у России во взаимоотношениях со странами СНГ, понимают и искусственность разделения сегодняшнего постсоветского пространства, и то, что этот процесс еще не завершен. Поэтому, главная задача для наших конкурент – заблокировать любые возможности восстановления единого экономического пространства. Доказательством этому служит целенаправленная открытая информационная кампания направленная против РФ, против интеграционных процессов на пространстве СНГ.

Рассмотрим более подробно наших конкурентов на пространстве Содружества.

Евросоюз системный конкурент, предлагающий привлекательную модель будущего развития для СНГ. Евросоюз, с одной стороны, особенно важен для стран СНГ, как рынок сбыта сырья и полуфабрикатов, с другой стороны, как поставщик современного оборудования.

Китай самый агрессивный конкурент России в торгово-экономическом сотрудничестве в странах Центральной Азии (прежде всего, с Туркменией и Казахстаном). Китай последовательно превращает бывшие советские республики Центральной Азии:

- в свою сырьевую периферию, в источник, прежде всего, энергетических ресурсов,
- в рынок сбыта товаров потребительского и производственного назначения,
- в транзитный коридор,
- кредитует взаимную торговлю, предоставляет на сравнительно льготных условиях займы на важные для центральноазиатских стран проекты,

- оказывает финансовую поддержку своим компаниям, инвестирующим в регион (особенно в нефтегазовый сектор, транспортную инфраструктуру, гидроэнергетику),

- выступает инициатором усиления экономической составляющей Шанхайской организации сотрудничества.

Одновременно, в 2000-е годы на рынках стран СНГ значительно укрепились экономические позиции Китая.

По данным Всемирного Банка, его доля в импорте государств Содружества (без РФ) возросла с 2% в 2000 г. до 10% в 2010 г., а в абсолютном выражении китайский экспорт в СНГ (без РФ) увеличился за тот же период более чем в 30 раз – с 1 до 32 млрд. долл.

США самый политизированный конкурент, рассматривающий СНГ как зону своих жизненных интересов. При невысокой значимости как торгового партнера для стран СНГ, Соединенные Штаты уже обеспечили себе лидирующие позиции в нефтегазовом секторе ключевых энергоэкспортеров Содружества – Азербайджана и Казахстана. В энергетическом секторе Азербайджана они являются самым крупным инвестором. Общий объем инвестиций США в экономику Азербайджана достиг 47 млрд. долл. к 2010 г.

В Казахстане доля США в накопленных к 2010 г. прямых иностранных инвестициях в горнодобывающей промышленности достигала 48% (России – 1,1%), в портфельных инвестициях в этом же секторе – 78% (России – 0,1%) (по данным Всемирной Торговой Организации (WTO International Trade Statistics-2010)).

В последнее время заметно усилилась активность США и в двух других крупных энергоэкспортерах Центральной Азии – Туркмении и Узбекистане.

Одновременно, при поддержке США создано внешнеполитическое объединение Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдавии (ГУУАМ), цель которого сосредоточить усилия, прежде всего, на разработке совместных транспортно-энергетических проектов.

Турция стала важным партнером для ряда стран СНГ в процессе диверсификации ими внешнеэкономических связей. Ее роль как торгового партнера наиболее значима для Азербайджана, Грузии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

На рынках закавказских стран СНГ Турция выступает серьезным конкурентом России, стремится закрепить позиции транзитера и реэкспортера азербайджанских нефти и газа. В дальнейшем в случае строительства транскаспийских трубопроводов Турция постарается взять на себя эту же роль применительно к казахстанской нефти и туркменскому газу.

На фоне экспансии нерегиональных конкурентов на пространстве СНГ возникают следующие вопросы. Какова нынешняя стратегия России по отношению к бывшим советским республикам? Есть ли надежда на воссоздание некоего единого пространства, пусть не в форме СССР, но хотя бы как в ЕС? Или Россия взяла курс на то, чтобы строить с этими странами отношения на общих основаниях, то есть газ по мировым ценам, визовый въезд, таможенные войны?

Эти вопросы не случайны. Развитие событий показывает, что со стороны России, наблюдается расхождение между словами и делами. На словах российской элиты СНГ, страны постсоветского пространства – это приоритетное направление нашей внешней политике. На деле, все совсем наоборот – усилий прикладывается критически мало. Назначение для наших чиновников высокого ранга на работу по СНГ стала своеобразной ссылкой.

Одновременно, система принятия решений по странам СНГ во многом закрыта, решается узкой группой лиц. Многие институты, которые обязаны участвовать в этом процессе не участвуют, их мнение в лучшем случае учитывается номинально.

У России есть лишь внятное желание вернуть страны СНГ в сферу своего влияния, закрепить свои приоритеты в экономической и военной-политической сфере. Но это не стратегия, это – мечта. Нет понимания, как наилучшим способом строить отношения со странами СНГ так, чтобы можно было, с одной стороны, избегать конфликтов, с другой стороны, продвигать свои интересы. А когда нет внятной линии поведения, то нет и понимания, какими инструментами влияния и ресурсами мы можем воспользоваться. Пока можно сказать есть некая тактика, которая по факту строится на нескольких элементах:

- во-первых, использование рычагов давления на страны, зависимые в экономическом плане от России,
- во-вторых, раздача льгот странам, которые признают приоритет нормальных отношений с Россией.

Но сейчас уже понятно, что такой подход показал свою неэффективность. Поэтому, очень часто наши успехи на пространстве СНГ, это скорее результат просчетов наших оппонентов – Китая и США.

4) «Имиджевая непривлекательность» России. На фоне экспансии нерегиональных конкурентов на пространстве СНГ и отсутствия внятной стратегии развития по отношению к бывшим советским республикам, заметнее проявляются внутренние проблемы России. Наряду с неспособностью государства создать благоприятные условия для ведения бизнеса, у России пока нет и конкурентоспособной ценностной системы, которая позволила бы продвигать свою политику наряду с доминирующей в мировой политике системой демократических ценностей. Это заметно снижает позитивное восприятие России партнерами по СНГ.

Россия пока не способна конкурировать, выдвинув альтернативное видение будущего. Пока все, что может предложить Россия – это привилегированный доступ к ее сырьевым ресурсам (льготные цены на газ). Но это, как уже было сказано, не работает.

Одним из инструментов измерения конкурентоспособности страны (как в политическом, так и экономическом плане), ее привлекательности, считаются многочисленные сравнительные рейтинги, составляемые разными исследовательскими организациями. Стоит заметить, что по мнению некоторых представителей российского правительства, рейтинги вещь «лукавая» и «неправильная». Если это так, то давайте составим свой правильный. Но пока его нет, воспользуемся существующими рейтингами. Тем более, что они

являются хорошей «дорожной картой» или ориентирами на пути совершенствования институциональной структуры национальной экономики.

(1) *Рейтинг экономической свободы американского центра Heritage Foundation* отражает связь между уровнем свободы экономики и ее ростом в целом. В 2011 году Россия заняла в нем 144-е место из возможных 179. Бразилии, Индии и Китая оказались впереди.

(2) *Рейтинг конкурентоспособности швейцарской бизнес-школы IMD* – отражает способности государства к созданию конкурентной среды и благоприятных условий для ведения бизнеса. Россия занимает 49-е место из 59. Здесь, как и в предыдущем рейтинге, Россия уступает Бразилии, Индии, Китаю.

(3) *В рейтинге стран по уровню коррупции* Россия занимает 143-е место из 182 возможных. Ближайшие наши соседи – Нигерия, Азербайджан, Уганда и Беларусь.

(4) *Рейтинг Всемирного экономического форума (ВЭФ) за развитость институтов.* У России «провальное» 128-е место.

Россия уступает Бразилии, Китаю и Индии по всем оценкам эффективности деятельности государства: защите личной безопасности и частной собственности, честности судебной системы, политической стабильности, прозрачности государственной политики, отсутствию бюрократии и коррупции.

(5) *Рейтинг глобальной конкуренции Всемирного экономического форума (ВЭФ).* В отличие от рейтинга IMD (№2), здесь меньше внимания уделено оценке влияния государства, зато исследуются такие факторы, как инновационный потенциал и развитость финансовой системы. Россия в прошлом году опустилась в рейтинге с 63-го на 66-е место (всего «участников» – 142).

(6) *Рейтинг ВЭФ по технологическому развитию и инновационной деятельности.* 68-е место по технологическому развитию и 71-е – по инновационной деятельности (минус 14 позиций за год).

(7) *Рейтинг ВЭФ по качеству высшего образования.* Это единственная сфера, где России было и есть чем похвастаться - сказываются традиции, оставшиеся еще с советских времен. Качество высшего образования в России ВЭФ оценил на 52-е место, далеко не первая десятка, но поводы для радости все же есть - это выше, чем Бразилия и Китай (57-е и 58-е), и существенно выше, чем Индия (87-е).

Но, даже несмотря на высокие показатели качества высшего образования в России, «выращенные» специалисты приносят немного пользы своему отечеству. Многие из них уезжают работать за границу, и подобная утечка мозгов влияет на конкурентоспособность РФ так же, если не еще серьезней, чем многие сугубо экономические проблемы.

Меняется методология и состав рейтингуемых стран, но Россию всегда можно обнаружить в конце этих списков – что 10 лет назад, что сейчас. Это заметно снижает позитивное восприятие России партнерами по СНГ.

Повсеместная коррупция и ограниченное уважение прав собственности низкое качество госрегулирования, неразвитость общественных институтов,

отсутствия нормальных условий для ведения бизнеса подрывают верховенство закона, повышают неопределенность экономическую и политическую неопределенность, перспективы устойчивого долгосрочного роста и диверсификации остаются туманными.

5) «Геополитизации» экономического пространства СНГ. В настоящее время на постсоветском пространстве по степени развития интеграционного взаимодействия сложилась *четырёхступенчатая* интеграционная конструкция с российским участием: *Союзного государства России и Белоруссии* (в новом формате Таможенного союза); *Таможенного Союза* (Белоруссия, Казахстан, Россия); *ЕврАзЭС* (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан); *СНГ* (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина)¹¹.

Рис. 1. Четырех- и двухуровневая структура интеграционной конфигурации СНГ.

Однако, следует избегать «геополитизации» экономического пространства СНГ. Геополитический разнобой внутри СНГ разрывает экономическое пространство, «перерубает» производственно-кооперационные связи, и может стать трудно преодолимым барьером на пути к воспроизводственной интеграции. Любая формула интеграционной конфигурации СНГ требует

¹¹ Когда выяснилось, что интеграционные процессы у нас вообще не реализуются в формате всего Содружества, попытались сузить интегрируемое пространство. В октябре 2000 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан учредили ЕврАзЭС с целью создания не только зоны свободной торговли, но и таможенного союза. Однако и в таких рамках надежды не оправдывались. Тогда в феврале 2003 г. президенты России, Белоруссии, Казахстана и Украины решили создать более компактную группировку – Единое экономическое пространство (ЕЭП), где товары, услуги, капиталы и рабочая сила будут свободно перемещаться между странами-участницами, тарифы и налоги станут едиными, а наднациональные органы должны проводить единую согласованную политику. Эта организация представлялась неким «локомотивом», способным придать импульс интеграционным процессам в СНГ. Но Киев не пожелал видеть в ЕЭП нечто большее, чем просто зону свободной торговли, и процесс формирования правовой базы альянса зашел в тупик. Тогда в августе 2006 г. В. Путин, Н. Назарбаев и А. Лукашенко договорились вместо ЕЭП создать таможенный союз хотя бы для трех стран. Эта идея обрела правовую форму лишь в январе 2008 г., когда Россия, Белоруссия и Казахстан подписали соглашение о таможенном союзе.

На этом фоне с апреля 1997 г. одиноко маячит неосвязаемый призрак Союзного государства России и Белоруссии. Этот на первый взгляд наиболее продвинутый интеграционный проект не продвигается дальше заявлений о намерениях. Периодические переговоры по вопросам конституции будущего Союзного государства, введения единой валюты и по другим кардинальным проблемам неизменно заходят в тупик, превращая этот проект в перманентный мираж.

тщательной проработки и оптимизации, однако *двухзвенная конструкция* представляется более логичной и предпочтительной, чем четырехзвенная. Имеется в виду, что должно существовать интеграционное ядро (сейчас реально это Таможенный союз) и внешнее кольцо партнеров, находящихся в той или иной форме связи с этим ядром (остальные страны СНГ).

Вместе с тем, сегодня можно говорить о противоречивости современной российской внешнеэкономической политики и непредсказуемости ее результатов. С одной стороны, налицо активизация процессов долгосрочной *региональной интеграции* на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ):

- создание Таможенного союза (с Белоруссией и Казахстаном),
- запуск с 1 января 2012 года Единого экономического пространства (ЕЭП),
- подписание в конце 2011 года Договора о зоне свободной торговли в рамках СНГ,
- планируемое создание Евразийского экономического союза.

С другой стороны, вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО), которая ориентирована исключительно на глобальную интеграцию.

Цели ВТО и Таможенного союза или ЕЭП не совпадают и вступают в противоречие. Таким образом, вступление России в ВТО противоречит собственной национальной концепции региональной интеграции.

В результате возможно торможение интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств, невозможность создания Единого экономического пространства с самодостаточной экономикой и один из крупнейших и перспективных мировых рынков, где проживает более 270 млн. человек и производится около 5% глобального ВВП. По хозяйственной значимости рынок СНГ является третьим после Евросоюза и НАФТА региональное объединение в мире.

На страны Содружества приходится: почти 17% мировой суши, 21% всех лесонасаждений, 11%, запасов пресной воды, по 30% природного газа и угля, 10% нефти, 36% урана, по 20% золота, цинка, свинца, никеля, по 10-12% меди и молибдена.

Данное геоэкономическое положение, данная концентрация природных ресурсов обеспечивает колоссальные возможности для будущего развития странам СНГ.

Тем более, как показывает мировой опыт, развитые страны все больше ориентируются на интересы региональной интеграции. Сегодня уже существуют два центра региональной интеграции: НАФТА (североамериканская зона свободной торговли, объединившая США, Канаду и Мексику) и Евросоюз. В обозримом будущем появится и третий центр – Юго-Восточная Азия. Поэтому, можно предположить, что единый глобальный рынок будет уже в обозримом будущем делиться на макрорегионы.

б) Недостаточный уровень экономической и политической зрелости стран СНГ. Кроме объективных причин тормозящих интеграционные процессы на пространстве Содружества, есть и субъективные причины.

Как показывает мировой опыт, практика Евросоюза и других межгосударственных альянсов:

- не достигшие экономической и политической зрелости страны не в состоянии реально интегрироваться, как бы ни стремились к этому их руководители, какие бы соглашения они ни заключали, какие бы межгосударственные организации с этой целью ни создавали.

- реальное интегрирование той или иной группы стран становится возможным лишь тогда, когда ее участники достигают необходимого уровня интеграционной зрелости.

В экономике это достаточно высокий уровень развития обрабатывающей промышленности, обеспечивающий широкую диверсификацию экспортно-импортных операций страны и глубокую вовлеченность ее в международное разделение производственного процесса, хорошо развитая финансовая инфраструктура. В политике – прочно устоявшаяся демократия с четким разделением властей и верховенством закона, что делает предсказуемым поведение страны на международной арене и обеспечивает ей необходимую степень доверия со стороны партнеров.

Как известно, Евросоюз является наиболее ярким примером достижения высокого уровня интеграционной зрелости. Страны СНГ не имеют подобной зрелости ни в экономике, ни в политике. Пока есть лишь предпосылки для вызревания реальной экономической интеграции, которые только по прошествии известного периода внутриэкономической и политической трансформации могут перерасти в необходимые условия.

7) Распад Единого гуманитарного пространства (ЕГП). Развал Советского Союза привёл автоматически не только к распаду единого экономического пространства (ЕЭП), но и стимулировал ликвидацию той значительной части надстройки, которая включала целый комплекс связей в гуманитарной сфере, то есть единого гуманитарного пространства (ЕГП). Это пространство включает многоаспектную сферу межстрановых отношений, обращенных к человеческой личности, к правам и интересам человека в каждой стране СНГ.

Что касается неславянских стран СНГ, то здесь ЕГП в основном уже разрушено усилиями их правящих национальных элит. Нынешняя ситуация с ЕГП в рамках «славянского треугольника» к сожалению, ускоренно подвергается эрозии. Причины этого процесса находятся как внутри наших стран, так и за их пределами.

Но не смотря на все проблемы, как экономического, так и политического характера, в странах СНГ, крепнет понимание того, что в силу исторических, экономических, культурных причин именно Россия с ее экономическим, технологическим и ресурсным потенциалом, емким рынком, развитой конфигурацией транспортных коммуникаций и производственных связей может обеспечить рациональную интеграцию экономической территории стран СНГ в мировое хозяйство.

Республики СНГ нужны нам не меньше, чем мы им.

(1) Государства Содружества составляют жизненное пространство, абсолютно необходимое нашей стране для сохранения статуса великой державы, обеспечения собственного устойчивого развития и поддержания хозяйственной целостности.

(2) Страны СНГ – это:

- важный рынок сбыта российских несырьевых товаров и услуг, в первую очередь машин и оборудования;
- приоритетная площадка для российских инвестиций;
- регион, позволяющий реализовывать транзитный потенциал России и стран-партнеров.

(3) В СНГ остались звенья наших производственных цепочек, ресурсная база. При всех природных богатствах России по многим ключевым видам полезных ископаемых (уран, медь, цинк, свинец, молибден, бокситы) ее доля в суммарных запасах Содружества весьма скромна. То же самое относится к трудовым ресурсам. По имеющимся оценкам, 102 отрасли экономики РФ напрямую зависят от кооперационных связей в странах Содружества (в том числе в военно-промышленном комплексе, машиностроении, легкой и химической промышленности и др.).

(4) В Содружестве живут миллионы наших соотечественников, которых надо защищать.

Любое ослабление нашего влияния на постсоветском пространстве ведёт к ухудшению ситуации внутри страны.

Для сегодняшней России с учетом ее национальных интересов и перспектив развития, ставку надо делать на новые структуры и организации, дающие реальную, а не гипотетическую, перспективу роста и развития. Поэтому главной задачей для России должно стать создание экономического объединения, где Россия может на равных с другими партнерами существовать и развиваться, логично, осмысленно и перспективно. России надо идти по пути Таможенного союза, создания Единого экономического пространства (ЕЭП), формирования Евразийского экономического союза.

Важным и перспективным для России является участие и в таком неформальном экономическом объединении, как БРИКС. Тем более что последний саммит БРИКС в Нью-Дели не только продемонстрировал реальные действия, способные изменить существующий экономический миропорядок, но и показал путь тем, кто желает качественно улучшить свое место в мировой экономике.

В целях налаживания более тесного взаимодействия с политическими, деловыми и научными кругами как на пространстве ближнего, так и дальнего зарубежья было бы полезным выйти с предложением и проведением от имени нашего Международного Форума ряда конференций в странах СНГ с геополитической и с геоэкономической тематикой в русле реализации Стратегии экономического развития СНГ до 2020 года. Эти мероприятия явятся органичной составляющей интеллектуального сопровождения любых инициатив на постсоветском пространстве.

«ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА»: РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕДЕЛЫ РОСТА

*Порфирьев Б.Н. – д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, и.о. заместителя
директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН*

Модернизация экономики и «зелёный рост»

Двигателем процесса глобализации являются модернизация и переход мировой экономики, прежде всего, промышленно развитых стран, к новому технологическому укладу, который наряду с качественным обновлением технологической базы, повышением эффективности производства и конкурентоспособности экономики призван обеспечить улучшению качества жизни и среды проживания. За рубежом реализующая этот переход экономическая политика «зеленого» роста официально принята ОЭСР в 2009 г. в качестве стратегического направления развития всех стран-членов этой организации на долгосрочную (до 2030 г.) и более отдаленную (до 2050 г.) перспективу. На глобальном уровне эта тема была поднята на уровень «Большой двадцатки» (G20) на саммите в Лос-Кабосе (Мексика) в 2012 г. в той же интеграционной интерпретации и сейчас имеет продолжение в виде бизнес-альянса B20.

В России важность «зеленого» роста отмечается в известном докладе «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика», который был подготовлен большой группой экспертов по поручению руководства страны и опубликован в конце марта 2012 г. В нем подчеркивается, что содержание федеральной политики в области экологического развития страны должна составить стратегия «зеленого роста», предусматривающая интеграцию социально-экономического и экологического развития в виде «зеленой экономики».

«Зелёная экономика» - варианты определения

Общепринятого определения "зелёной" экономики не существует. Эксперты Организации ООН по охране окружающей среды (ЮНЕП) предлагают наиболее широкое понимание этого понятия, рассматривая "зелёную" экономику как хозяйственную деятельность, "которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и обеднение природы". Такая трактовка "зелёной" экономики практически не отличает ее от концепции устойчивого развития, которая хорошо известна и имеет соответствующий правовой статус в России, хотя и недостаточно эффективно реализуется в экономических программах и практике природопользования.

В русле содержательно более узкой трактовки "зелёную" экономику понимают как разработку, производство и эксплуатацию технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, мониторинга и прогнозирования климатических изменений, а также технологий энерго- и ресурсосбережения и возобновляемой энергетики.

Сюда же включаются разработка, выпуск и использование технологий и материалов для защиты зданий и сооружений от резких колебаний температуры, влажности и ветровой нагрузки; производство экологически чистой продукции, в том числе сельскохозяйственной (продукты питания, естественные волокна) и потребительских товаров (например, лекарства и предметы личной гигиены на естественной, природной основе без химических добавок).

Иными словами, к «зелёной» экономике относят те виды и результаты хозяйственной деятельности, которые, наряду с модернизацией и повышением эффективности производства, способствуют улучшению качества жизни и среды проживания. При этом официальные документы разных государств содержат разные акценты: у развитых стран на первом месте – конкуренция, рабочие места; у развивающихся – устойчивое развитие, решение проблем бедности, вопросы справедливости и участия граждан; группы БРИКС – эффективность использования ресурсов.¹² Но показательно, что собственно экологические проблемы, прежде всего экологические лимиты развития, не фигурируют в определениях «зеленой» экономики в указанных документах ни одной из перечисленных групп стран. Это доказывает, что главное в «зеленой» экономике – сама экономика и социально-экономическая сфера.

Модернизация энергетики как основа «зелёного» роста.

Альтернативная энергетика – ядро «зелёной» экономики

Фундаментом «зелёного» роста выступает модернизация энергетического базиса экономики, что обусловлено, по крайней мере, тремя причинами:

- непреходящей значимостью энергетического сектора, играющего стратегическую роль в развитии экономики и обеспечении безопасности на всех уровнях (национальном, региональном и международном) на протяжении всей новейшей истории. Для современной России это обстоятельство важно вдвойне
- усиливающейся тенденцией истощения наиболее доступных и рентабельных запасов традиционных энергоносителей, прежде всего нефти, и роста цен на них. Для стран-импортеров это означает усиление озабоченности проблемой энергетической безопасности, для России – озабоченности перспективами экспорта энергоносителей, обеспечивающего значительную часть доходных статей бюджета
- фактором глобальных изменений климата, вызванных ростом концентрации в атмосфере парниковых газов, которая международным климатологическим сообществом напрямую связывается с техногенными выбросами, в первую очередь объектами энергетики.

Экономическая политика России пока слабо учитывает климатический фактор и необходимость снижения выбросов парниковых газов, отдавая безоговорочный приоритет сокращению энергоёмкости производства и

---

¹² *Green Economy: 'Everyone's talking about it': An analysis of the UNCSO Zero Draft text submissions.* NY: Green Economy Coalition, 2012, p. 4.

энергосбережению в целях повышения эффективности и конкурентоспособности национальной экономики. И здесь удалось добиться существенного сдвига. В посткризисный период энергоёмкость производства снизилась на 40%, что также способствовало сокращению техногенных выбросов парниковых газов (более чем на треть за последние 20 лет). Уже в ближайшее десятилетие, однако, ситуация может существенно измениться по трем направлениям:

- в обозримой перспективе потенциал макроструктурных преобразований для роста энергоэффективности экономики (за счет которого было достигнуто упомянутое значительное сокращение энергоёмкости ВВП) будет ограничен. Приоритет однозначно должен быть отдан технологической модернизации, прежде всего в реальном секторе экономики, на долю которой пока пришлось всего 20-25% снижения энергоёмкости производства.
- центр тяжести государственной инновационной политики в России, в ближайшем будущем также необходимо перенести на реальный сектор, в первую очередь, на предприятия промышленности и энергетики, учитывая чрезмерность акцента нынешней политики на высоких технологиях непосредственно в секторе информатизации и коммуникации.
- фактор климатических изменений – как реальная причина или, что намного вероятнее, как убедительный предлог и катализатор качественных перемен в экономике, а также инструмент ограничений контрагентов и стимул для поощрения собственных производителей в конкурентной борьбе за ускоренный переход к новому технологическому укладу – будет играть все более заметную роль.

Магистральным направлением модернизации энергетики является развитие так называемой альтернативной (нетрадиционной, чистой или «зеленой») энергетики. Ее широкая трактовка подразумевает использование энергоэффективных технологий, а также экологически чистых, низкоуглеродных, источников энергии (включая возобновляемые источники (ВИЭ) и атомные электростанции), которые все более вытесняют углеводородные топлива. В свою очередь, в структуре самих этих топлив происходит ускоренное замещение нефти (мазута) и угля природным газом как экологически более чистым источником энергии. Таким образом, диверсификация и декарбонизация выступают приоритетными направлениями модернизации энергетики и, учитывая упомянутую выше ее базисную роль в развитии хозяйственного комплекса – стержнем «зеленого» экономического роста в целом.

Масштабы и динамика производства и занятости

Масштабы «зелёного» сектора мировой экономики пока сравнительно невелики, поэтому в специальной литературе, наряду с понятием «зеленая экономика» нередко используется термин «зеленые ростки» (green shoots) экономики. Действительно, стоимость производимой продукции и услуг в этом секторе в 2010 г. оценивалась в 2 трлн. долл. или 2.7% мирового ВВП, прибыль – в 530 млрд. долл.; занятость – в пределах 10 млн. человек. Но его вклад в

развитие хозяйственного комплекса отдельных государств, которые концентрируют основную часть мощностей и инвестиций в этой сфере, заметно выше.

- В США «зеленая» экономика дает продукции и услуг более чем на 600 млрд. долл. или 4.2% ВВП, занятость в ней оценивается в 3 млн. человек
- В Японии, соответственно, 3.4% ВВП и примерно в 1.5 млн. человек.
- В странах ЕС в целом – 2.5% совокупного ВВП и свыше 3.4 млн. человек, однако в отдельных странах показатели выше:
  - в Германии – порядка 4.8% плюс мировое лидерство по экспорту экологически чистых товаров и услуг (в частности, более 12% мировой торговли оборудованием по сохранению климата).
  - Великобритания – мировой лидер по доле «зелёного» сектора в ВВП – в 2009 г. 240 млрд. долл. или 8.8% ВВП, доля в экспорте составляла 5%, в общей занятости – 3%.¹³

Темпы и тренды развития мировой «зеленой экономики»

Несмотря на сегодняшние скромные масштабы, для рассматриваемого сектора экономики характерны исключительно быстрые, особенно на фоне замедления роста в 2008-2012 гг., темпы развития. Они достигаются благодаря двум факторам:

- институциональному: на середину 2011 г. 89 государств обладали нормативно установленными целями развития возобновляемой энергетики, в том числе 73 – нормативными актами, регулирующими использование биотоплива, а 81 – специальными льготными тарифами на подключение источников этой энергии (feed-in-tariffs). Из развитых стран в Японии в последней эти тарифы установлены законом от 2011 г. и введены в действие с июля 2012 г.
- инвестиционному: прежде всего благодаря стремительному росту капиталовложений стран "Большой двадцатки", среди которых только направленные на развитие ВИЭ всего за семь лет выросли с 52 млрд. долл. в 2004 г. до 260 млрд. долл. в 2011 г.¹⁴

Пятикратный рост был, достигнут в условиях, когда два года (с конца 2007 по конец 2009 г.) из шести пришлось на рецессию, которая негативно отразилась на темпах инвестирования в развитие экологически чистой энергетики, включая вложения в НИОКР, и в последующие годы (2010-2012 гг.)

---

¹³ China Moving to Forefront of Emerging Low Carbon Economy. www.greenbiz.com/news/2010/09/17/china-moving-forefront-emerging-low-carbon-economy?utm_source=Vertical+Newletters&utm_campaign=11b5718ff4-CBiz-NL-2010-9-23&utm_medium=email; *Clean Energy Trends 2010*, Portland: Clean Edge, Inc., April 2010, p. 6; *Measuring the Green Economy*. Washington DC: US Department of Commerce, Economics and Statistics Administration, April 2010, p. 3, 12; *Rethinking 2050. A 100% Renewable Energy Vision for the European Union*. Brussels: European Renewable Energy Council (EREC), April 2010, p. 43; *Sizing the Clean Economy: A National and Regional Green Jobs Assessment*. Washington DC: Brookings Institution, 2011, p. 5; *Employment in Green Goods and Services – 2010*. News Release of the Bureau of Labor Statistics, US Department of Labor, USDL-12-0495, March 22, 2012.

¹⁴ [Murray, J. UK's Energy Secretary Promises Green Policies Will Boost GDP. www.greenbiz.com/news/2011/06/30/uks-energy-secretary-promises-green-policies-will-boost-gdp](http://www.greenbiz.com/news/2011/06/30/uks-energy-secretary-promises-green-policies-will-boost-gdp) (June 30, 2011); Press Conference on Climate Risk and Energy Solutions Investor Summit (UN, 12 January 2012) www.un.org/News/briefings/docs//2012/120112_Investor.doc.htm

Обращает на себя внимание рывок, достигнутый в 2010 г.: объём капиталовложений превысил уровень 2009 г. сразу на 30% (рост почти на 60 млрд. долл.), в том числе в НИОКР (суммарно по корпоративному и государственному секторам) – на 24% (с 28.6 млрд. долл. до 35.5 млрд. долл.). Львиная доля инвестиций направлялась в развитие ветровой и солнечной энергетики, в первую очередь в проекты сооружения крупных ветроэнергетических установок в Западной Европе (морского базирования) и в КНР. В 2010 г. Китай стал глобальным лидером, сосредоточив почти 40% мировых капиталовложений в развитие экологически чистой энергетики. Правда, в 2011 г., когда темпы роста капиталовложений в ВИЭ притормозили до 7%, он уступил пальму первенства США.

Устойчивый и значительный рост инвестиций обеспечил ускоренный рост мощностей в сфере мировой альтернативной энергетики. В Японии, странах ЕС, Канаде, а также партнерах России по БРИК (Бразилии, Индии, Китае), производство электроэнергии на возобновляемых источниках исчисляется десятками млрд. кВт/ч, в США – более чем сотней млрд. кВт/ч в год. Практически все ведущие страны установили к 2020 г. достижение 20%-ой доли ВИЭ к 2020 г. Соответственно, расширялся и рынок установок и оборудования для альтернативной энергетики, прогнозы темпов роста которого в ближайшее десятилетие – одни из самых высоких, а масштабы – самые впечатляющие.

Помимо альтернативной энергетики мощный рывок в сфере развития институтов и инвестиций обусловил значительный рост объёмов выпуска в других секторах «зелёной» экономики. Так, объём мирового рынка природосберегающих технологий и оборудования в начале XXI в. без учета энергетики составил около 500 млрд. долл., а с ее учетом – более 1.2 трлн. долл. и по темпам роста опережал другие секторы мировой экономики, в том числе в период кризиса 2008–2009 гг. Стоимость мировых продаж так называемых органических продуктов питания и напитков (произведённых без использования химических добавок) в 1999–2007 гг. выросла втрое, достигнув 46 млрд. долл. В период с апреля 2008 г. по март 2009 г. мировой рынок рыбной продукции с экологической маркировкой увеличился на 50%, достигнув в розничных ценах 1.2 млрд. долл.

Только в США в 2008 г. продажи органических продуктов в целом увеличились на 15.8%, что втрое превысило показатель для продовольственного сектора в целом, и достигли 3.5% всего рынка продовольственных товаров. Одновременно занятость на производствах органических продуктов питания и напитков в США в начале 2000-х годов (до 2009) росла в среднем на 19% в год. В 2010 г. показатели прироста занятости и стоимости продаж этих продуктов были скромнее – примерно по 8%, но также заметно превосходили аналогичные индикаторы – соответственно, 1% и 6% – в секторе производства обычных продуктов питания. Новый импульс росту органических продуктов этих рынков придало подписанное 16 февраля 2012 г. соглашение между ЕС и США о взаимном признании сертификации органических продуктов. Это означает устранение существующих торговых барьеров и беспрепятственную продажу

продукции, сертифицированной как органическая, в США, в странах ЕС, и наоборот.¹⁵

Отмеченная тенденция характерна не только для продовольствия, но и для более широкого спектра потребительских товаров, например продукции из дерева, включая мебель. Продажи такой продукции, сертифицированной как «экологически чистая», всего за три предкризисных года (2005–2007) выросли в 4 раза. К сказанному стоит добавить, что с 2007 г. в Великобритании, а в последующие годы – в странах Европы, США и в Японии используется практика так называемого углеродного маркирования продовольственных и других товаров с указанием количества (в граммах) выбросов парниковых газов при производстве и транспортировке единицы упомянутых товаров. И хотя узнаваемость такой маркировки пока существенно уступает практикуемой на протяжении более 30 лет экологической (органической), масштабы реализации продукции с углеродной маркировкой в Великобритании уже в 2010 г., превысили объемы сбыта продукции с органической маркировкой (2 млрд. против 1,5 млрд. фунтов стерлингов, соответственно).¹⁶

Факторы ускоренного развития мировой «зеленой экономики»

Мощная динамика развития «зелёной» экономики в целом и её сегмента – альтернативной энергетики, особенно в кризисные 2008–2009 гг., предопределяется рядом факторов.

В первую очередь, сохранением приоритета обеспечения энергетической безопасности стран-импортёров ископаемого топлива, являющихся лидерами мировой экономики. Резкий взлёт мировых цен на энергоносители в 2003–2008 гг. в связи с сокращением месторождений дешёвой нефти и ростом спроса на газ, а также кризисные ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке в 2011 г., увеличившие риски поставок нефти и газа и вызвавшие новый виток роста цен на них после снижения в период рецессии 2008–2009 гг., стимулируют растущую заинтересованность стран, являющихся крупными импортёрами нефти и газа, в альтернативных источниках энергообеспечения.

Важную роль играет мощный мультипликативный и антикризисный эффекты «зеленой» экономики. В отношении мультипликативного эффекта следует особо выделить связующую и стимулирующую роль экологических инноваций. В стратегиях развития ведущих стран мира, но особенно в ФРГ и Японии («Стратегии устойчивого развития общества в XXI в.» (2007 г.)), «Третьем основном плане развития науки и техники» (2007 г.), и особенно «Новой стратегии роста» (2009/2010 г.), эти инновации рассматриваются как основное связующее звено между экономической, промышленной и экологической политикой, а инвестиции в указанные инновации – как фактор повышения конкурентоспособности экономики. В Японии – в частности, в рамках программы ГЧП под названием «3R» (reduce, reuse, recycle).

¹⁵ Wheeland, M. Europe-US Partnership Creates Huge New Market for Organic Foods. www.greenbiz.com/news/2012/02/17/

¹⁶ Following the footprint, *Economist* (Technology Quarterly), 2011, June 4th, p. 14

Что касается антикризисного потенциала, экоинновации и «зеленая экономика» в целом позволяют увеличить занятость и смягчить безработицу, стимулировать активность в других сферах хозяйства, быстрее выйти из рецессии. Например, из общего антикризисного пакета на «зеленый» сектор приходилось в США – 12%, ФРГ и Японии – 13% (по уточненным данным, до 16%); Франции – 21%, Китае – 38%, Ю. Корею – более 80%.¹⁷

При этом в Японии, в отличие от аналогичной программы смягчения кризиса 2001-2002 гг., в которой доминировали капиталовложения в инфраструктуру, в указанном пакете основную часть расходов составили инвестиции и текущие расходы на меры энергоэффективности, НИОКР, развитие ВИЭ. Они оказываются более эффективными не только в плане ускорения процесса выхода из кризиса, но и создания рабочих мест и большого числа различных высокотехнологичных производств.

Есть ещё три важных фактора, предопределяющих ускоренное развитие этой сферы экономики. Два из них тесно связаны друг с другом – фактор экологической чистоты и экологической безопасности и фактор снижения рисков климатических изменений. Это связано с тем, что при прочих равных условиях «зелёные» технологии и производства менее масштабны и рискованны, чем индустриальные технологии XX в. Речь идёт о сокращении выбросов в окружающую среду вредных загрязняющих веществ и парниковых газов, снижении рисков крупномасштабных аварий, подобных радиационным катастрофам в Чернобыле (СССР, 1986 г.) и в Фукусиме (Япония, 2011 г.) или промышленно-экологической катастрофе в Мексиканском заливе (США, 2010 г.).

Третий фактор, обуславливающий укрепление позиций "зелёной" экономики, заключается в высокой наукоёмкости разработок и высоком уровне технологичности «зелёных» производств, обеспечивающих поэтому ускоренный переход к новому (шестому) технологическому укладу. Именно он будет определять лицо мирового хозяйства и конкурентоспособность национальных экономик, вероятно, уже в середине нынешнего века.

Выше уже подчеркивалась интегрирующая роль экоинноваций. Здесь отметим высокую технологичность, передовой научно-технический уровень многих разработок и оборудования «зеленого» сектора, который хорошо виден на примере Японии, а также ФРГ, ряда других европейских стран, США, Ю. Кореи, стран-партнеров России по БРИК. Особенно быстрыми темпами увеличиваются инвестиции в НИОКР в сфере энергоэффективности; вслед за ними с большим отрывом следует ВИЭ, а доли затрат на НИОКР в сфере атомной энергетики и ископаемых видов топлива снижаются. Мощную отдачу от «зелёных», в первую очередь энергетических, инноваций развитые страны ожидают в виде вышеупомянутого мультипликативного эффекта в отношении одновременных роста производства и занятости, сокращения импорта энергоносителей и выбросов парниковых газов.

---

¹⁷ Подробнее см.: Порфирьев Б.Н. Экономический кризис в России: проблемы управления и инновационное развитие. *Проблемы прогнозирования*, 2010, №5.

Прогнозы развития мировой «зеленой экономики»

Несмотря на сдерживающее влияние последствий кризиса в ближне- и среднесрочной (до 2020 г.) перспективе, значение «зелёного» сектора экономики в целом и экологически чистой энергетики в особенности может усилиться. По всем прогнозам, в ближайшие 20–25 лет в подавляющем большинстве стран «Большой двадцатки» правомерно ожидать быстрый рост и заметное увеличение удельного веса «зеленой» экономики, прежде всего, сектора экологически чистой энергетики.

По некоторым оценкам, к 2025 г. только мировой рынок экологически чистого оборудования достигнет 4.4 трлн. евро или порядка 6 трлн. долл., что означает более чем 30%-ый среднегодовой рост «зеленой» экономики и увеличение ее вклада в мировой ВВП до 6-7%. Уже к 2020 г. можно ожидать почти удвоения мирового рынка экологически чистых технологий (в том числе утроения рынка низкоуглеродных технологий), роста числа занятых в соответствующих секторах почти в 4 раза и увеличения вклада «зелёной» экономики в мировой ВВП, как минимум, до 5%.¹⁸

«Зеленые ростки» в экономике России и развитие альтернативной энергетики: перспективы и приоритетные направления

Развития «зелёного» сектора в экономике России имеет неплохие предпосылки в ряде сфер хозяйства: достаточно назвать сельское и лесное хозяйство, туризм, которые более чем перспективны в условиях России. К сожалению, нет времени на них останавливаться. Тем более, что, как и в мире, перспективы «зелёного» развития этих отраслей и экономики в целом в значительной мере связаны с прогрессом в энергетике, прежде всего развитием альтернативной энергетики.

При этом для России в этой области главным с точки зрения обеспеченности энергией является решение проблем надежности и полноты удовлетворения потребностей, в том числе в удаленных регионах и сельской местности, учитывая, что: (а) централизованным энергоснабжением охвачена лишь треть территории, а две трети находятся в зоне децентрализованного и автономного энергоснабжения, где проживают около 20 миллионов человек; (б) в районах централизованного энергоснабжения, не говоря о других, нередко возникают проблемы с надежностью сетей и устойчивым обеспечением электричеством; (в) известны проблемы с подключением к сетям и взаимодействием с энергетическими монополистами, из-за которых многие потребители стремятся обеспечить автономное энергоснабжение и строят свои котельные и энергоустановки.

В сложившейся ситуации перспективным становится использование альтернативных источников энергии, отличающихся более широкой распространенностью и экологической чистотой.

---

¹⁸ UNEP Background Paper on Green Jobs. 2008, p. 10.; *Energy and Environment Update*, April 11, 2010; HSBC *Climate Confidence Monitor 2010*, London: HSBC, 2010, p. 1, 6.

Потенциал указанной энергетики в России, прежде всего ВИЭ, также, а также энергосбережения и энергоэффективности огромен, но их использование далеко от желаемого. Так, эксплуатация ВИЭ ежегодно позволяет вырабатывать пока не более 8,5 млрд. кВт/ч электрической энергии (без учета ГЭС мощностью более 25 МВт), что составляет менее 1% от общего объема производства электроэнергии в стране. На долю ВИЭ в России (кроме гидроэнергии) приходилось 2,9% производства первичной энергии и около 1% - электроэнергии; на гидроэнергетические источники приходилось соответственно 2,0% и 18,7%. По этим показателям, а также по динамике развития альтернативной энергетики Россия пока существенно уступает не только ведущим странам мира, но и странам Восточной Европы.

Существенную роль в развитии этих источников и в целом альтернативной энергетики в России призваны сыграть принятые в 2008-2010 гг. нормативные документы.¹⁹ Они предусматривают закрепление целевых показателей снижения энергоемкости ВВП и увеличения доли ВИЭ в общем объеме производства и потребления электроэнергии на период до 2020 г. Соответствующие значения указанных индикаторов составляют: 40% снижения энергоемкости ВВП до 2020 г. и рост доли возобновляемых источников энергии до 1,5% в 2010 г., 2,5% - в 2015 г. и 4,5% - в 2020 г.

Не отказываясь от уже строящихся АЭС, а также от замещения угля экологически более чистым газом – наращивание доли которого во внутренних поставках необходимо также в рамках газификации поселений для улучшения социальных условий – целесообразно на локальном уровне замещать устаревшие мощности и наращивать дополнительные менее дорогостоящими и обладающими большей гибкостью в размещении установками на ВИЭ.

В России ближайшие перспективы развития ВИЭ связаны, в первую очередь, с малыми ГЭС и установками, использующими биомассу. Кроме того, следует подчеркнуть перспективность ветроэнергетических установок, размещенных в основном в прибрежных зонах. Достаточно упомянуть, что по совокупному ветроэнергетическому потенциалу (ресурсам энергии ветра) Россия является мировым лидером (вслед за ней идут США и Китай). У солнечной энергетики есть возможности развития в Бурятии и Краснодарском крае.

Главным с точки зрения экономической рентабельности и конкурентоспособности и самой энергетики и всех других сфер хозяйства,

---

¹⁹ Указ Президента от 3 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики». www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernment_decisions/archive/; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2009 г. № 1-р. «Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 г.». www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/; Федеральный закон Российской Федерации от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2009 г. N 1830-р (об утверждении плана мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в Российской Федерации, направленных на реализацию Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

потребляющих энергию является эффективным использование энергоресурсов. В этой области отставание и в то же время нереализованный потенциал России весьма велики, при том, что именно это направление «зеленого» роста является наиболее перспективным с учетом природной и социально-экономической специфики России.

Для большинства развитых и переходных государств, являющихся нетто-импортерами энергоресурсов и одновременно испытывающих избыток трудовых ресурсов (и проблему безработицы, которая особенно остро ощущается в период экономического кризиса) развитие альтернативной энергетики и в целом «зеленой» экономики как способа импортозамещения и смягчения безработицы является, очевидно, даже более важным, чем экономия ресурсов и снижение нежелательных выбросов в окружающую среду, включая парниковые газы.

Для России, напротив, трудо- и импортозамещающие функции альтернативной энергетики имеют второстепенное значение для развития и конкурентоспособности ее хозяйственного комплекса на ближайшие годы и среднесрочную перспективу (до 2020 г.), а главным является обеспечение приоритета энергоэффективности над трудо- и импортозамещающими функциями альтернативной энергетики и других производств «зеленого» сектора экономики. Преимущество следует отдавать менее трудоемким видам деятельности, например, НИОКР в сфере экологически чистой энергетики; среди крупномасштабных проектов в этой сфере – установкам по утилизации попутных газов, а также производству энергии из биомассы или геотермальной энергии (по сравнению с гелиоустановками или мощностями по улавливанию и хранению углерода, которые также отличаются высокой капиталоемкостью).

При этом особое значение имеют технологии, использование которых обеспечивает двойной выигрыш (дивиденд) в виде отрицательных предельных издержек ресурсосбережения и снижения выбросов парниковых газов. Это означает, что указанные технологии, обеспечивают решение обеих задач одновременно с экономией средств. Такие технологии шире всего применяются в ЖКХ (теплоизоляция, освещение зданий, водонагревательные устройства) (рис. 1). Кроме того, в районах Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, где расположены более 70 городов, 360 поселков городского типа и около 1400 мелких населенных пунктов и которые относятся к районам децентрализованного энергоснабжения, перспективно и эффективно использование мини-ТЭЦ. Там же эффективны установки на базе возобновляемых энергоносителей, включая биомассу, воду (малые ГЭС), солнце, ветер и геотермальные источники.

Перспективы «зеленой» экономики: оправданные ожидания и пределы роста

Мощный приток инвестиций и быстрые темпы развития «зеленой» экономики породили у заметной части аналитиков и политических кругов серьезные ожидания в ее уверенной победной поступи в ближайшие десятилетия. Об этом свидетельствуют многочисленные доклады и прогнозы, в

том числе специализированных организаций ООН, подготовленных с участием международных экспертов, органов управления и научных структур как развитых, так и развивающихся стран.²⁰

Кривая энергоэффективности, 2020 г.

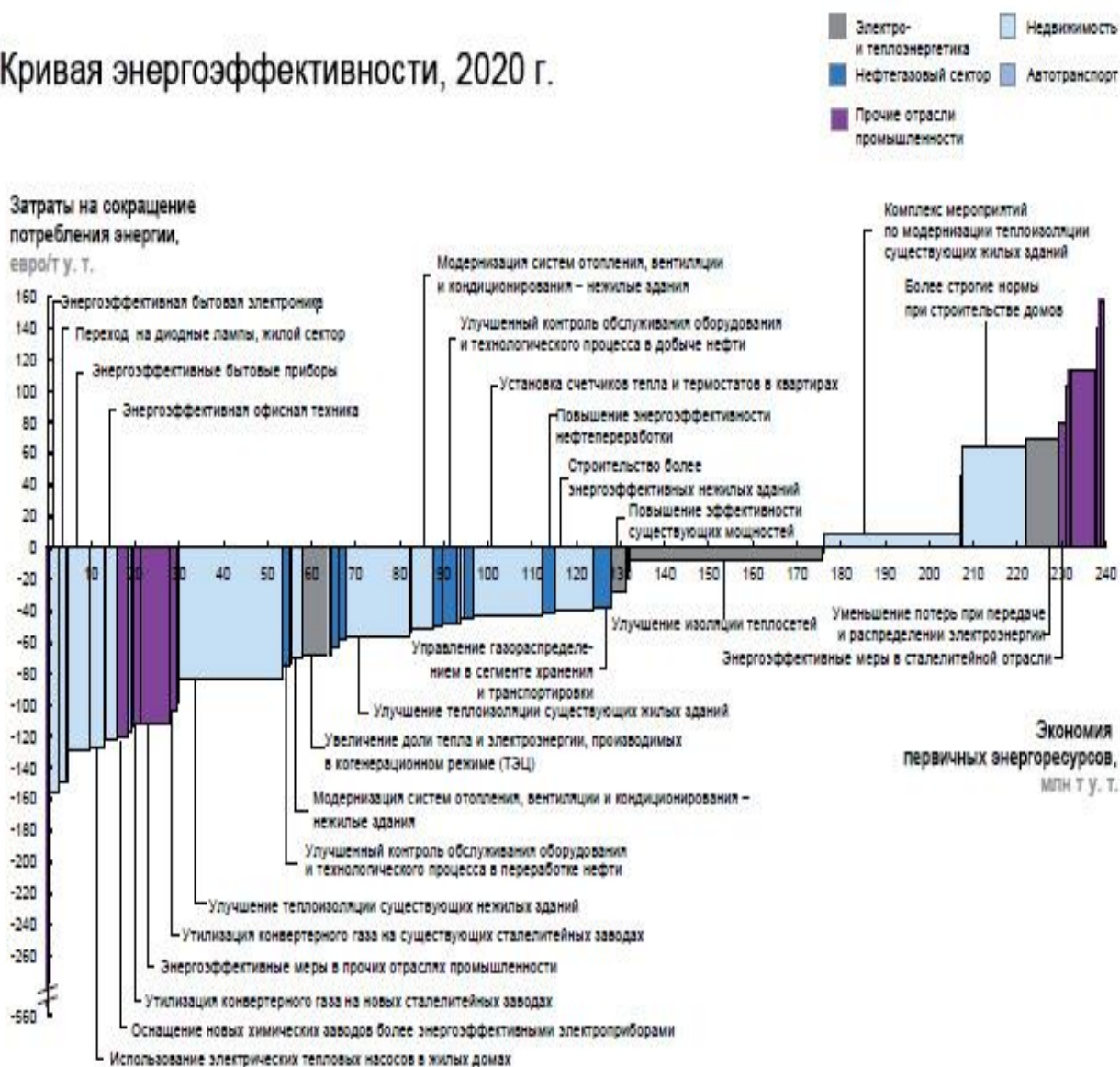

Рис. 1. Кривая энергоэффективности, 2020 г.

Источник: *Энергоэффективная Россия: пути снижения энергопотребления и выбросов парниковых газов. Основные выводы.* М., McKinsey & Co, 2009, с. 24, 26.

В упомянутых докладах в качестве главного сценария рассматривается вариант трансформации мирового хозяйства к 2050 г. в низкоуглеродную, ресурсоэффективную экономику, а основного механизма реализации этого сценария – ежегодное инвестирование в течение 2012-2050 гг. примерно 1,3 трлн. долл. (или около 2% мирового ВВП в 2010 г.) в десять ключевых секторов. К таковым отнесены: сельское хозяйство, лесное хозяйство, водное

²⁰ См: *Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. Резюме.* Найроби: ЮНЕП, 2011; *World Economic and Social Survey 2011: The Great Green Technological Transformation*, Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat (DESA). E/2011/50/Rev. 1 ST/ESA/333. New York: United Nations, 2011.

хозяйство, рыболовство, ЖКХ, энергетика, промышленность, туризм, транспорт, утилизация и переработка отходов. В первые четыре сектора, развитие которых наиболее зависимо от обеспеченности природным капиталом и погодно-климатических рисков, рекомендуется направить четверть указанных «зеленых» инвестиций (325 млн. долл. или 0,5% мирового ВВП ежегодно).

При этом специально подчеркивается, что, несмотря на солидные масштабы предполагаемых инвестиций, эта сумма на порядок меньше суммы среднегодовых мировых инвестиций, которые в 2009 г. были эквивалентны 22% мирового ВВП. Поэтому необходимые для инвестиций средства вполне можно привлечь при условии реализации продуманной государственной политики и использования инновационных механизмов финансирования, включая торговлю выбросами парниковых газов и микрофинансирование.

Предполагается, что осуществление указанного сценария обеспечит в течение 5-10 лет более высокие годовые темпы роста экономики, чем инвестиции в обычное развитие, при отсутствии негативных последствий для окружающей среды. При этом ожидается, что отношение выбросов к экологической емкости среды (так называемый экологический след или отпечаток), составляющее сегодня 1,5, снизится к 2050 г. до 1,2, значительно приблизившись к 1 — уровню, соответствующему устойчивому развитию, в то время как в сценарии обычного развития он может превысить 2.

Кроме того, благодаря существенному повышению энергоэффективности как отдачи от «зеленых» инвестиций, прогнозируется снижение потребности мировой экономики в энергии к 2050 г. на 40% по сравнению с инерционным сценарием развития (т.е. сохранение объемов потребления энергии на уровне 2011 г.) и снижение объемов выбросов парниковых газов по сравнению с их нынешним уровнем на треть.

Соглашаясь с авторами и сторонниками «зеленого» сценария экономического роста в его прогрессивной миссии и позитивном в целом влиянии на социально-экономическое развитие мира, снижение экологических и климатических рисков, вместе с тем, представляется необходимым разграничить обоснованные ожидания от факторов и условий, существенным образом ограничивающих масштабы и эффективность прогнозируемых глобальных трансформаций. Это позволит получить более объективную оценку перспектив развития «зеленой» экономики как нового сегмента мирового хозяйства, включая его основные субъекты, к которым относится и российская экономика.

Основные ограничители включают, прежде всего, инерционность институциональной и технологической базы экономического развития, которая выражается в неспособности мировой экономики адаптировать производственные процессы к условиям снижения спроса с той же скоростью, с которой она адаптирует эти процессы в условиях роста спроса. В результате, снижение темпов роста производства и доходов корпоративного сектора в 2008-2010 гг. по данным МЭА не сопровождалось адекватным сокращением объемов выбросов. Отсюда следует важный вывод, который также

подтверждается российской практикой: экономический рост способствует снижению удельных выбросов углерода, тогда как рецессия сопровождается повышением этих выбросов и, следовательно, увеличением техногенных рисков изменений климата. Кроме того, упомянутые ограничители обусловлены значительным контрастом в уровне развития в сфере «зеленой» экономики, а также в характере и масштабах влияния «зеленых» инвестиций на экономический рост – как между странами, так и производственными комплексами (отраслями).

Это связано, во-первых, с различными масштабами и эффективностью политической и институциональной поддержки «зеленой» экономики в целом и экологически чистой энергетики, в частности, на национальном уровне – со стороны государства, на мирохозяйственном уровне – всеми ключевыми субъектами международного сообщества. Во-вторых, с тем, что далеко не всегда и не все секторы и производства «зеленой» экономики превосходят конкурентов по производительности и эффективности: очень многое и существенно зависит от конкретной технологии, компании, отрасли, региона или страны. В то время, как одни хозяйствующие субъекты получают тройной выигрыш (например, снижая выбросы загрязняющих веществ и парниковых газов одновременно с издержками производства, создают новые рабочие места и увеличивают прибыль), другие оказываются в проигрышной ситуации: издержки превышают доходы и вместо прибыли возникают убытки, а нередко теряются рабочие места и закрываются производства. В-третьих, с тем, что не все «зеленые» производства и технологии являются по-настоящему экологически чистыми и природосберегающими, что наглядно показывает пример биотоплива.²¹ В-четвертых, с неоднозначностью влияния инвестиций в ее развитие на рост производства и занятость в различных производствах и непромышленной сфере. В-пятых, с неоднозначностью влияния предлагаемых сторонниками «зеленого» сценария развития мировой экономики реформ системы субсидирования для стимулирования государственных инвестиций и расходов на развитие «зеленых» производств.

Представляется, что перечисленные обстоятельства предполагают не отказ от «зеленой» экономики, не безоглядное стремление к форсированному ее росту под аккомпанемент экологических лозунгов, в том числе во имя спасения климата, но продуманный, дифференцированный и поэтапный подход к ее развитию, с учетом производственно-технологической, социально-экономической и природно-географической специфики регионов и государств.

---

²¹ О негативных последствиях использования биотоплива первого поколения и неоднозначности экологических и экономических последствиях использования биотоплива второго поколения подробнее см: Порфирьев Б.Н. *Экономика климатических изменений*. М., 2008, с. 43-48; Варфоломеев С.Д., Моисеев И.И., Мясоедов Б.Ф. Энергоносители из возобновляемого сырья, *Вестник РАН*, 2009, №7, с. 595-607; Булаткин Г.А. Оценка эффективности производства традиционных и возобновляемых источников, *Вестник РАН*, 2009, №7, с. 608-616; Булаткин Г.А. Производство биотоплива второго поколения из растительного сырья, *Вестник РАН*, 2010, №7, с. 522-526; Doornbosch, R. and Steenblik, R. *Biofuels: Is the Cure Worse than the Disease?* Report for the OECD Round Table on Sustainable Development, Paris, 11-12 September 2007. SG/SD/RT (2007)3. Paris, OECD, 2007; UNCTAD. *The Biofuels Market: Current Situation and Alternative Scenarios*. UNCTAD/DITC/BCC/2009/1. NY: United Nations, 2009; Eisentraut, A. *Sustainable Production of SECOND -Generation Biofuels Potential and perspectives in major economies and developing countries*. Paris: OECD/IEA, 2010.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИРОВОГО ОПЫТА

Глинкина С.П. – д.э.н., профессор, заместитель директора по научной работе, директор Филиала ИЭ РАН – «Международные экономические и политические исследования»

Ученые, изучающие историю Евразии²², отмечают существование определенной закономерности - чередования двух сменяющих друг друга геополитических форм организации этого пространства – единой государственности и системы государств²³. Евразийское пространство то собиралось воедино скифами, гуннами, хазарами, монголами, славянами, советскими коммунистами, то распадалось.

Распад СССР в начале 1990-х гг. можно рассматривать как процесс смены исторического ритма организации евразийского пространства, просуществовавшей почти пятьсот лет и разрушенной за считанные годы. Уничтожение централизованного государства сопровождалось разрывом тесных межреспубликанских экономических, политических и социальных связей, что существенно осложнило процесс формирования на развалинах СССР самостоятельных национальных государств.

Один из важнейших геополитических вопросов современности. - станет ли вновь единым геополитическим субъектом расколотое постсоветское пространство, распад которого является проблемой не только национального, регионального, но и глобального масштаба. В силу действия в регионе разнонаправленных тенденций, присутствия множества участников с несовпадающими и даже противоположными интересами однозначного ответа на поставленный вопрос дать невозможно.

За 20 лет страны региона СНГ отдалились друг от друга, переориентировались на другие рынки и других партнеров. Это касается, прежде всего, России, чей импорт из Китая к концу первого десятилетия нового века оказался больше, чем весь импорт из СНГ, а в экспорте доля Нидерландов - сопоставимой с долей СНГ. Около 50% экспорта РФ стабильно направляется в страны Европейского союза. Значение стран СНГ в системе внешнеэкономических связей России сопоставимо с ролью пяти государств и территорий – международных трейдеров и оффшоров, включая Нидерланды, Кипр, Виргинские о-ва, Люксембург и Гибралтар.

На протяжении двадцати лет существования СНГ наблюдалась устойчивая тенденция падения значимости государств Содружества как торговых партнеров друг для друга, которую удалось приостановить лишь в 2009-2010 гг. Если в 1995 г. доля взаимной торговли в совокупном товарообороте стран СНГ превышала 31%, то к концу 2000-х она снизилась до 20-22%²⁴.

---

²² Евразия здесь и далее определяется нами географически в границах аналогичных границам бывшего Советского Союза без стран Балтии, т.е. как постсоветское пространство.

²³ Орлова И.В. Контуры современной евразийской концепции (<http://rospil.ru/allmenu/rus-asia.htm>)

²⁴ Расчеты автора на основе данных национальной статистики.

Нельзя не видеть, что огромная территория и совокупный ресурсный потенциал евразийского региона²⁵ в сочетании со слабой экономической позицией стран СНГ, в том числе и России, в мировой экономике делают регион ареной острой геоэкономической и геополитической конкуренции основных мировых центров силы. США, Европейский союз, Китай, используя существенно различающиеся стратегии, стремятся к достижению в принципе схожих целей - к расширению за счет евразийского пространства рынков сбыта своей продукции, к обеспечению альтернативного энергоснабжения, к укреплению своих геополитических позиций.

В 2000-е гг. значительно укрепил свои позиции на постсоветском пространстве Китай, чья доля в импорте стран Содружества (без РФ) возросла с 1% в 2000 г. до почти 9% в 2010 г. Роль Китая как рынка сбыта товаров из стран СНГ также возросла – с 4% всех продаж в 2000 г. до, примерно, 8% в 2010 г.²⁶

Прочные позиции в экономике ряда стран заняли Соединенные Штаты Америки и Великобритания. Объем накопленных ими инвестиций в нефтегазовом секторе Азербайджана составил 47 млрд долл.²⁷ На эти государства приходится 30% всех прямых иностранных инвестиций в горнодобывающей промышленности Казахстана (для примера доля России составляет лишь 0,7%)²⁸.

Значительное экономическое, политическое, культурно-религиозное влияние на ряд стран региона оказывают Турция и Иран. Свою стратегию «освоения» постсоветского пространства имеет Европейский союз, реализующий восточную политику соседства, в частности, «Программу восточного партнерства», Стратегию ЕС в отношении государств Центральной Азии.

В основе российского понимания Евразии как целостного региона лежит допущение о некоем, достаточно высоком потенциале естественной солидарности населяющих регион народов, которая проистекает из многовекового их совместного проживания, этнокультурного и экономического взаимодействия и встречных миграционных движений.

Очевидно, что, несмотря на жесткую (1990-х гг.) и продолжавшуюся практически все нулевые годы мягкую дезинтеграцию, пространство постсоветской Евразии и сегодня сохраняет определенный уровень целостности. Он обусловлен весомой долей (30-40%) во взаимных поставках продукции обрабатывающих отраслей промышленности, широким трансграничным движением населения, сохраняющейся общей транспортной инфраструктурой государств Содружества, растущими финансовыми потоками между странами, близким технологическим уровнем. Однако речь идет о

---

²⁵ Потенциал пространства СНГ - это 17% суши, 21% мировых лесонасаждений, 11% ресурсов пресной воды, 30% мировых запасов природного газа и угля, 10% мировых запасов нефти, 36% мировых запасов урана, 20% золота, свинца и цинка, 10-12% никеля, меди, молибдена.

²⁶ Расчеты автора на основе данных национальной статистики

²⁷ Интеграционные процессы в мире и на пространстве СНГ: накопленный опыт, современные тенденции и перспективы. М.: ВАВТ, 2011. – С.166

²⁸ Там же.

«целостности», которая может достаточно быстро исчезнуть, если не будут предприняты срочные шаги по активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Комплекс объективных и субъективных факторов работает на активизацию центробежных тенденций. Среди них: реализация странами разных моделей трансформации экономических систем, в результате чего институциональная неоднородность пространства нарастает; естественные процессы географической диверсификации внешнеэкономических связей в условиях рыночных преобразований, либерализации внешнеэкономической деятельности и ориентации на коммерческий эффект; уже упоминавшееся выше дезинтегрирующее воздействие мощных соседних полюсов мировой экономики и ряд других.

Осознание этого факта способствовало смене российской стратегии интеграции постсоветского пространства, господствовавшей на протяжении 1990-х гг. В результате к середине первого десятилетия XXI в. окончательно отброшена идея интеграции всего постсоветского пространства как утопичная, провозглашен переход к разноскоростной, многоуровневой интеграции, учитывающей наличие у новых независимых государств (ННГ) разных интересов и мотивов, внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов, а в результате – разной степени готовности к более тесному сотрудничеству с участием России.

Официальная концепция региональной интеграции в России обрела определенные контуры благодаря стратегическим решениям, принятым как на национальном уровне²⁹, так и совместно со странами СНГ³⁰. Было признано необходимым, несмотря на предыдущие неудачи, сформировать интеграционную группировку на постсоветском пространстве при лидирующей роли России. В официальных документах хронология евразийской интеграции выглядит следующим образом: 2010–2011 гг. – создание Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России (ТС), 2012 г. – начало функционирования Единого экономического пространства (ЕЭП), 2012–2014 – кодификация законодательства ТС–ЕЭП, подготовка Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС); в 2015–2020 гг. – завершение формирования ЕЭП как единого внутреннего рынка, учреждение Евразийского экономического союза, выход на решение практических задач по созданию экономического и валютного союза в интеграционном «ядре». В долгосрочной перспективе – после 2015-2020 гг. – экономическое пространство Евразийского экономического союза должно «вписаться» в общее экономическое пространство Европы на западе (ЕАЭС–ЕС), и в пространство АТЭС на востоке (ЕАЭС–ШОС–АТЭС), образовав широкое евразийское пространство экономического взаимодействия.

---

²⁹ Документы Правительства РФ - « Стратегия-2020» (2008 г.) и ее обновленная версия (2011 г.); Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г.

³⁰ В рамках СНГ одобрены «Стратегия экономического развития стран СНГ на период до 2020 г.» (14 ноября 2008 г.), План реализации ее мероприятий (22 мая 2009 г.), а также Концепция дальнейшего развития СНГ (5 октября 2007 г.). Принята межгосударственная Программа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 г.

Рис. 1. Основные шаги по формированию Таможенного союза Российская Федерация – Республика Казахстан – Республика Беларусь

На путях реализации принятой концепции уже достигнуты определенные положительные результаты.

В неожиданно короткие (для большинства исследователей) сроки создан Таможенный союз в рамках «тройки» - Россия, Белоруссия, Казахстан. Динамизм реализации поставленной задачи хорошо виден на рисунке 1.

Уже сегодня очевидны преимущества существования единой таможенной территории и формирования наднациональной системы внешнеторгового регулирования. Среди них:

- снижение транзакционных издержек ведения предпринимательской деятельности на единой таможенной территории, что способствует развитию товарообмена, кооперации, взаимного инвестирования.
- последовательное совершенствование внешнеторгового, прежде всего таможенного регулирования, устанавливающего менее обременительные, прозрачные и предсказуемые условия деятельности для участников ВЭД.
- использование при разработке нормативной правовой базы тс и ЕЭП лучшей практики стран-участниц.
- проведение более консервативной, обоснованной, предсказуемой и сбалансированной политики в сфере таможенно-тарифного и нетарифного регулирования вследствие необходимости тщательной проработки и согласования предлагаемых решений на трехстороннем уровне.
- налаживание эффективного информационного обмена с использованием современных информационных технологий, прежде всего, между налоговыми и таможенными органами стран-участниц, что способствует снижению издержек и сокращению сроков таможенных, фискальных и иных процедур.

Создание в рамках таможенного союза благоприятных условий для ведения бизнеса позволило обеспечить опережающие темпы роста товарооборота и трансграничного движения капитала в рамках «тройки» по сравнению со среднемировыми показателями, а также показателями, достигнутыми в отношениях стран-членов таможенного союза с третьими государствами. Так, в 2011 г. прирост мировой торговли составил 5%, а в торговле стран ТС с третьими странами – 34%. При этом прирост товарооборота в рамках «тройки» достиг – 38%. В первом полугодии 2012 г. при 3%-ом приросте мировой торговли, у стран ТС он составил 18%, в том числе внутри «тройки» – 17,5%³¹. При этом значение «энергетической составляющей» во внутрирегиональном товарообороте в два раза ниже, чем в отношениях с третьими странами.

Рост товарооборота сопровождался изменениями его структуры. Во внутрирегиональной торговле наблюдался значительный рост доли машин и оборудования, фиксировался рост взаимных инвестиций, объемов фрахта.

Появление Таможенного союза и начало создания ЕЭП привлекает внимание все большего числа государств и их ассоциаций: 35 из них заявили о своей готовности начать переговоры о создании ЗСТ «тройкой»³².

Процесс реализации евразийского проекта с участием России, Белоруссии и Казахстана начал реализовываться на фоне кардинальных изменений в мировой экономике и политико-экономической конфигурации постсоветского пространства. Несмотря на тенденцию снижения роли взаимного экономического сотрудничества России со странами СНГ, наблюдавшуюся в последнее десятилетие, итоги кризиса показали, что в действительности экономики России, Белоруссии и Казахстана продолжают оставаться тесно взаимосвязанными. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что сокращение в ходе кризиса экспортных поставок стран-участниц Таможенного союза во внутрирегиональной торговле внесло заметный вклад в общие масштабы падения экспорта и оказало весьма значимое воздействие на их экономики. Иными словами, внутрирегиональный аспект мирового кризиса для России, Белоруссии и Казахстана был в целом сопоставим с глобальным. Так, вклад снижения объемов экспорта в страны СНГ в сокращение общих объемов экспорта составил для России 22,1%, для Казахстана – 23,7, а для Белоруссии – 44,5%. При этом отношение абсолютных объемов снижения экспорта в страны СНГ в 2009 г. по сравнению с 2008 г. к номинальному объему ВВП в 2009 г. составило 10,3% (для Белоруссии – 3,5% для Казахстана и России по 3,1% , соответственно)³³.

В сущности, мировой экономический кризис, длительные попытки присоединения к ВТО и эффективного «одиночного» вхождения в систему мирохозяйственных связей в значительной степени подтолкнули правящие

³¹ Расчеты автора на основе данных ООН Comtrade 2011 и данных национальной статистики.

³² Из выступления члена Евразийской экономической комиссии А.Слепнева на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге 21-23 июня 2012 г. Сессия «Евразийская экономическая интеграция – путь в новую глобальную экономику».

³³ Головин М.Ю., Ушкалова Д.И. Внешнеторговое взаимодействие стран СНГ в условиях кризиса/ «Евразийская экономическая интеграция, №1(10), февраль 2011. – С. 14.

элиты России, Белоруссии и Казахстана к пониманию значимости и, в известной мере, безальтернативности варианта совместного экономического развития в целях сохранения более или менее достойного места в новой конфигурации мировой экономики. С этой точки зрения важную роль сыграло и осознание низкой конкурентоспособности отечественных товаров на мировых рынках и, соответственно, значения внутрирегиональных рынков готовой продукции в условиях предполагающейся модернизации экономик России, Белоруссии и Казахстана.

Россия жизненно заинтересована в создании на постсоветском пространстве центра экономической силы ввиду ряда причин. Прежде всего, хотелось бы остановиться на особом положении России как государства в результате крупнейшей, - по словам Президента РФ В.В.Путина, - геополитической катастрофы XX века – развала Советского союза.

Можно говорить о том, что Россия сегодня существует вне определенного статуса. С одной стороны, по итогам двадцатилетних реформ, разрушения традиционных внешнеэкономических и внутрирегиональных связей страна серьезно ослабла, утратила статус геополитического центра силы. С другой стороны, ввиду масштабов территории и сохраняющегося мощного ядерного потенциала Россия не укладывается в рамки традиционного национального государства, оказывается больше, чем обычное национальное государство и посему не может быть «реструктурирована под себя» ни одним из геоэкономических центров силы. В результате этого с геополитической точки зрения для России трансформационный процесс превращается в «стационарно переходный»³⁴.

Россия объективно заинтересована в консолидации постсоветского пространства, поскольку в силу своих размеров и истории не может успешно развиваться, выйти на уровень международной конкурентоспособности и сохранить статус региональной державы, оставаясь лишь в рамках идеологии и сферы деятельности национального государства. Тем более не способна она без объединения в той или иной форме территорий Евразии вернуть себе статус государства - «цивилизации».

В последние годы с очевидностью наблюдается стремление руководства страны восстановить статус России как «государства-системы», «государства-цивилизации», что невозможно без решения задачи реинтеграции Россией хотя бы части постсоветского пространства.

Необходимость создания регионального союза вокруг России обосновывается и задачами обеспечения национальной безопасности страны в условиях полупрозрачных границ. Современные тенденции изменения геополитической конфигурации постсоветского пространства, формирования своего рода «буферной зоны» вокруг России (проект ЕС «Восточное партнерство»), размещения военных баз по периметру ее территории (системы ПРО в Польше и Румынии, американская РЛС в Азербайджане), а также

---

³⁴ Подробнее о взглядах автора на критерии завершенности посткоммунистической трансформации см.: Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. М., ИЭ РАН, 2008.

китайская экономическая экспансия подтверждают обоснованность стратегии евразийской региональной интеграции.

Таким образом, в российском подходе к интеграции преобладает геостратегическая составляющая, что, однако, не исключает, а наоборот предполагает наличие и экономических интересов. Единое экономическое пространство (в перспективе включающее и ряд других стран СНГ) рассматривается как расширенный внутренний рынок, крайне необходимый для ускоренного развития обрабатывающих отраслей промышленности, исправления накопленных структурно-технологических деформаций в отечественной экономике. Даже при нынешнем уровне техники и технологий отечественная машиностроительная продукция, а также инновационные товары и услуги пользуются в СНГ большим спросом, чем в дальнем зарубежье. В экспорте РФ в страны СНГ на товарную группу «машины и оборудование» в 2010 г. приходилось 13,5%, а в структуре экспорта на дальнее зарубежье – только 4,3%. Около четверти общего объема российского экспорта инновационных товаров приходится на страны СНГ³⁵. На пике кризиса 2008–2009 гг. и в 2010 г. российские предприятия обрабатывающих отраслей оказались более конкурентоспособными на внутреннем рынке РФ и в СНГ.³⁶ Потенциально постсоветское пространство – это главная зона экономической экспансии российских ПИИ, новых технологий, интеллектуальных услуг и ареал «вращения» ростков новой экономики³⁷. Регион СНГ – важнейший дополнительный источник трудовых и природных ресурсов, транзитная территория, по которой пролегают международные транспортные коридоры.

Жизненно заинтересованными в углубленной интеграции на современном этапе развития оказались и Белоруссия с Казахстаном, столкнувшиеся с проблемами нахождения своего места в мировой экономике и политике. Для Казахстана евразийская интеграция – это и дополнительная гарантия безопасности перед лицом набирающего экономическую и политическую мощь Китая, и возможность доступа к инфраструктуре доставки своих товаров в Европу, и перспектива наращивания потенциала перерабатывающей промышленности на путях объединения научно-технических потенциалов трех государств, каждое из которых все еще обладает рядом критически важных по мировым стандартам технологий.

Для Белоруссии евразийский интеграционный проект обеспечивает емкий рынок сбыта для значительной части произведенной в стране машиностроительной и сельскохозяйственной продукции, дополнительные рабочие места, доступ к возросшим объемам энергоресурсов по приемлемым ценам, более весомые переговорные позиции с ее соседом – Европейским союзом, проявляющим, как минимум, настороженное отношение к руководству

---

³⁵ Индикаторы инновационной деятельности. 2009. Стат. сб. – М., 2010. – С.30, 35.

³⁶ Данные постоянного мониторинга программы «Российский экономический барометр».

³⁷ Речь идет о конкурентоспособных отраслях мирового хозяйства, относящихся к высшим технико-экономическим укладам (ТЭУ 5 и ТЭУ 6). Частично их основы есть в экономиках всех трех стран-членов ТС/ЕЭП: атомная энергетика, авиационная, ракетостроительная промышленность, автомобильная отрасль, микроэлектроника, биотехнологии.

страны, используемой здесь модели хозяйственного и политического управления.

Можно говорить о том, что у всех участников евразийского проекта присутствуют стратегические, геополитические интересы, однако у России они выражены в наибольшей степени, что имеет ряд последствий:

- неизбежная асимметрия экономических результатов сотрудничества, которые могут быть несколько отложены для России и должны быть довольно быстрыми для партнеров;
- различная заинтересованность сторон в темпах и углублении интеграционных процессов;
- неизбежность и необходимость финансового донорства со стороны России.

Причем «асимметричность» отношений может лишь возрасти в результате возможного расширения интеграционной группировки за счет таких членов ЕврАзЭС как Киргизия и Таджикистан, чей ВВП в расчете на душу населения по курсу национальных валют составляет лишь 17 и 13% от среднего по СНГ³⁸. Для сравнения, наименьшие показатели подушевого дохода новых членов ЕС относительно среднего по интеграционной группировке уровня не опускались ниже 44-45% (Болгария и Румыния, 2007 г.).

Как уже отмечалось выше, реализация евразийского интеграционного проекта идет быстрее, чем можно было ожидать, при этом среди исследователей нет единства в объяснении причин этого феномена. Некоторые подчеркивают важность проявления политической воли, обеспечившей мобилизацию интеллектуального и властного ресурса; некоторые отмечают объективное усиление стимулов к интеграции, вызванное кризисными явлениями в мировой экономике и странах – участницах; иные исследователи говорят о региональной интеграции как реакции на прогнозируемые посткризисные изменения в мировой экономике. Видимо, речь идет о комбинации перечисленных и целого ряда неназванных факторов. Но важным являются не столько факторы, обеспечившие запуск проекта, сколько наличие либо отсутствие факторов/механизмов, способных поддерживать «саморазвитие» интеграции после запуска проекта. Ряд из них, на наш взгляд, на сегодняшний день либо отсутствуют вовсе, либо являются слабыми. Остановимся лишь на некоторых из них.

Недостаточный «Порог интеграции», рассчитываемый как соотношение внутрирегиональной торговли и торговли стран-участниц с другими регионами мира. Цифры показывают, что в рамках ТС/ЕЭП этот показатель один из самых низких среди основных региональных интеграционных группировок (рис. 2).

Значимость внутрирегиональной торговли для стран участниц ТС/ЕЭП остается недопустимо низкой. Для России она сократилась с 2000 по 2010 гг. с 10-11% до 6,9%. Причем в импорте РФ доля Белоруссии и Казахстана упала с 17,4% до 6,2%. Для Казахстана за тот же период сокращение составило 12 п.п. (

³⁸ База данных Статкомитета СНГ.

31% и 19%, соответственно). И лишь для Белоруссии значимость внутрирегиональной торговли возросла с 48 до 59% и оказалась сопоставимой с показателями Европейского союза ³⁹.

Доля взаимной торговли в общем товарообороте региональных объединений в 2009-2010 гг.

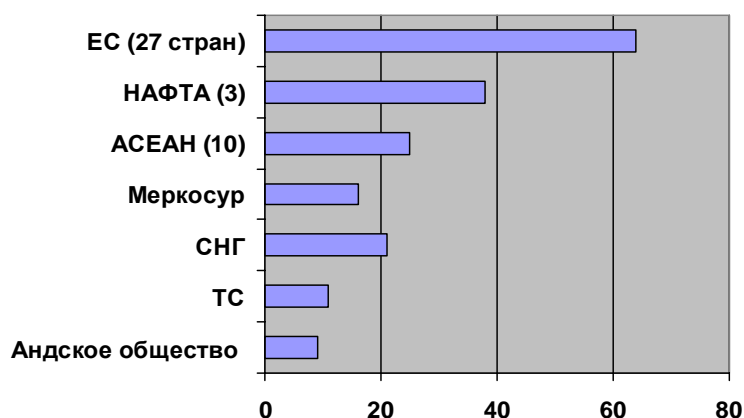

Рис.2. Доля взаимной торговли в общем товарообороте региональных объединений в 2009-2010 гг. ⁴⁰

Во взаимной торговле стран ТС/ЕЭП доминируют продукция первичного сектора (сельхозсырье, продовольствие, древесина, продукция добывающей промышленности) и металлы, на которые в 2010 г. приходилось две трети всех объемов поставок. У зарубежных объединений картина прямо противоположная: в структуре внутреннего товарооборота НАФТА и МЕРКОСУР те же две трети приходятся на продукцию обрабатывающей промышленности. Налицо преобладание межотраслевого сотрудничества над внутриотраслевым, более того, постоянное снижение доли последнего.

Торгово-экономическое сотрудничество внутри ТС/ЕЭП несбалансированно: лишь около 2% взаимного товарооборота стран интеграционной группировки обеспечивается торговлей между Белоруссией и Казахстаном, остальные 98% - это российско-белорусская и российско-казахстанская торговля. Справедливости ради следует отметить, что ситуация стала меняться в 2011-2012 г. под влиянием таможенного союза, когда динамика товарооборота между РБ и РК продемонстрировала опережающие темпы роста.

³⁹ В среднем по ЕС этот показатель превышает 60%, в т.ч. для страны ЦВЕ – новых членов Евросоюза - 80%.

⁴⁰ Тезисы выступления Министра Э.С. Набиуллиной «Глобальные вызовы для интеграционной повестки России» на конференции «Приоритеты и перспективы региональной экономической интеграции с участием России на постсоветском пространстве, в Европейском и Азиатско-Тихоокеанском регионе». М., 17 ноября 2011 г.

Внутренний рынок России пока слабо выполняет свою важную интегрирующую функцию: при очевидном экономическом доминировании России в ТС (на нее приходится 87% суммарного паритетного ВВП трех стран) доля РФ во взаимном импорте составляет лишь 30%. Для сравнения, на США падает около 83% совокупного товарооборота стран НАФТА и почти 60% внутрирегионального импорта⁴¹

Торговое сотрудничество не подкреплено инвестициями, что характерно для развитых интеграционных образований. На Россию приходится 2,3% всех привлеченных Казахстаном иностранных инвестиций и 5,65% казахских инвестиций за рубежом. Накопленные инвестиции России в Белоруссии – 3,6% всех, осуществленных за рубежом. Доля белорусских инвестиций в накопленных Россией иностранных инвестициях 0,05%. И лишь для Белоруссии Россия является основным иностранным инвестором, обеспечившим в 2000-2010 гг. 60% чистого притока ПИИ в экономику Республики⁴².

Очевидно, что для создания в перспективе на пространстве Евразии центра экономической силы уже сегодня необходимо существенно активизировать внутрирегиональные торговые потоки, инвестиционные и научно-технические связи. Однако без восстановления и кардинальной модернизации национальных экономик стран СНГ консолидирующий потенциал евразийского пространства практически исчерпан.

Требуется новая индустриализация экономик региона, которая может быть осуществлена с учетом возможностей внутрирегиональной интеграции, на основе реализации совместных проектов по созданию производств, ориентированных преимущественно на рынки России, других стран Содружества, через механизмы производственно-технологической кооперации, внедрения единых технических стандартов, через общую научно-техническую политику, глубокую финансовую кооперацию и взаимопереплетение собственности. Все это позволило бы создать крепкую систему новых привязок внутри евразийского макрорегиона. Очевидно, что решение этих задач потребует не только изменения целого ряда ныне господствующих принципов развития евразийской интеграции, но и выделения значительных финансовых ресурсов (прежде всего, Россией) на реализацию проекта.

Интеграция и модернизация. Общим для стран региона интересом является модернизация национальных экономик, для которых по итогам трансформационных реформ характерны нарастающая примитивизация структуры хозяйства, устаревший технико-технологический парк, утраченный в значительной степени научный и социальный потенциал. Объединение усилий государств по противодействию этим тенденциям, по коренной модернизации экономики и, как следствие, повышению международной конкурентоспособности отдельных национальных государств и региона в

---

⁴¹ Тезисы выступления Министра Э.С. Набиуллиной «Глобальные вызовы для интеграционной повестки России» на конференции «Приоритеты и перспективы региональной экономической интеграции с участием России на постсоветском пространстве, в Европейском и Азиатско-Тихоокеанском регионе». М., 17 ноября 2011 г.

⁴² Там же

целом – важный стимул к развитию интеграции. Модернизация и интеграции – взаимоусиливающие процессы. Для модернизации нужны емкий рынок и благоприятные условия работы на нем. Особенно это важно для обрабатывающей промышленности стран СНГ, располагающей ограниченными возможностями сбыта в дальнем зарубежье и до сих пор ориентирующейся главным образом на рынки Содружества.

Интеграция как искусство. Важным условием успешности реализации мегапроекта формирования на пространстве Евразии центра экономической силы является нахождение таких институциональных форм взаимодействия государств, которые позволили бы максимально учесть особые интересы участников, минимизировать дезинтегрирующее влияние на судьбу интеграции ключевых нерегиональных игроков. Провозгласив разнотемную интеграцию важно обеспечить оптимальные темпы, сроки, состав участников и т.д. и т.п. Теория, чей либо опыт едва ли помогут в решении этих задач. Интеграция становится видом искусства, которое потребует от политиков и практиков максимальной готовности к диалогу, проявлению доброй воли, учету интересов даже самых слабых участников.

В Советском Союзе одной из основ единого народнохозяйственного комплекса была система перераспределения выгод между республиками, в том числе путем компенсации потерь и субсидий. В рамках новой организации евразийского пространства подобных стабильных, скрепляющих экономическое пространство инструментов и механизмов, практически, нет, хотя реальные перетоки ресурсов достаточно велики. Они идут не столько в контексте экономического процесса, сколько исходя из политических, чаще всего краткосрочных, соображений. Судьба развитых форм интеграции, в частности, Таможенного союза и ЕЭП, их возможное расширение будет во многом зависеть от возрождения этих механизмов и инструментов в радикально изменившейся политической и экономической среде.

Роль интегратора. Задача для России, потенциал которой превосходит суммарный потенциал всех других стран Евразии, - инициировать консолидацию региона в целях укрепления его позиций в мировом хозяйстве и стать ее лидером. Судьба мегапроекта в значительной степени будет зависеть от процессов, которые будут развиваться внутри России. Нельзя не видеть, что конкурентоспособность страны в настоящее время находится на недостойном для нее и стоящих перед ней задач уровне. Располагая огромной территорией, всеми необходимыми природными богатствами, интеллектуальным потенциалом и достижениями в развитии науки, техники и культуры, Россия занимает лишь 0,5% мирового рынка наукоемкой продукции, существенно отстает по показателям внедрения инноваций, заимствованных из передовых стран мира.

Обеспечить лидерство России в регионе СНГ возможно только ценой мобилизации всех внутренних ресурсов для модернизации национальной экономики собственными силами. Для решения этой задачи необходимо в предельно короткие сроки сформулировать долгосрочную стратегию инновационного развития страны, добиться позитивных сдвигов в структуре

экономики. Решая, прежде всего, внутренние задачи, Россия должна сделать национальную стратегию своего экономического роста привлекательной для других евразийских государств. Сотрудничество с ней должно вести к повышению выгод от участия в глобальном разделении труда для всех стран формирующейся региональной группировки. Чтобы быть эффективным интегратором постсоветского пространства, Россия должна продуцировать модернизационные импульсы, ощутимые на всем евразийском пространстве. Лимит времени для выполнения этой задачи практически исчерпан.

СТРАНА БЕЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БЕЗ СТРАНЫ

Артоболевский С.С. – д.г.н., профессор, заведующий отделом «Социально-экономической географии» ФГБУН Института географии РАН

Страна была богата,
Порядка ж нет как нет
(А.К.Толстой)

Введение. Уже в 20-е гг. XX века в мировой экономике наблюдаются кризисные явления, территориально сильно сконцентрированные, в соответствии с географией Промышленной революции. Поворотным моментом стал Мировой экономический кризис 1929-1932 гг., охвативший, прежде всего, ареалы указанной выше революции. В 1934 г. принимается первый закон по региональной политике (естественно в Великобритании). Стало ясно, что нерегулируемый рынок, решая одни проблемы (преимущественно экономические) создает новые в социальных и политических сферах и, прежде всего, в региональном развитии.

Только США, из больших стран, практически не имеют региональной политики. Сложившаяся ситуация, когда Люксембург имеет свою региональную политику, а Россия нет – представляется абсурдной. При традиционной ориентации во многих сферах на использование опыта европейских стран, в случае региональной политики Россия старается найти свой путь и не очень в этом преуспевает. Такие принципы, как социальная справедливость, единство страны не находят своего отражения в региональной политике.

В мире есть устоявшееся понимание того, что есть региональная политика. Это реакция государства на не удовлетворяющие его тенденции трансформации пространства и складывающиеся территориальные структуры общества и экономики. Проще говоря, государство вмешивается в процессы регионального развития, когда его не удовлетворяют их результаты. Традиционная региональная политика направлена на стимулирование развития кризисных (депрессивных и слаборазвитых) территорий. В ее рамках, через стимулирование экономики, решались социальные и политические проблемы указанных территорий. В последние десятилетия стало развиваться второе

направление региональной политики – стимулирование ареалов и полюсов роста, что помогает экономике страны повышать свою глобальную конкурентоспособность. Развитие этого направления сдерживается правилами ВТО, оставляющими региональную политику, практически единственным каналом в помощи национальному бизнесу. В РФ этот аспект членства в ВТО практически не обсуждался, что делает перспективы развития российской региональной политики труднопредсказуемыми.

Особый интерес представляет для РФ опыт ЕС. Своей региональной политики ЕС стимулирует дальнейшую интеграцию, создание конфедеративного государства, по масштабам вполне сопоставимого с нынешними крупными странами. Попытки евро-бюрократов, привлечь Россию к работам по становлению региональной политики крупных стран, пока безуспешны. Особенно это контрастирует с политикой в этом направлении Бразилии, Китая, Канады и даже Украины....

К сожалению, в РФ под региональной политикой понимают все, что касается территории (прямо или косвенно) – например строительство, коммунальное хозяйство. Представляется логичным вернуться к общепринятому пониманию региональной политики и оставить ей собственно ее сферу деятельности.

Строительство – это тоже региональная политика
(из выступления одного из Министров МРР РФ)

Часть 1. У региональной политики есть свои признаки, анализ которых дает возможность судить о ее существовании (и уровне развития). Что можно констатировать в случае РФ:

- Наличие «подопечных» территорий различного уровня, выделяемых на основании четких (количественных и качественных) немногочисленных критериев и на длительный срок – минимум лет 10. В РФ есть территории – от части города до группы субъектов Федерации, которые нерегулярно получают от центра дополнительную помощь в режиме скорой помощи, обычно 1-2 года. Представляется, что в условиях РФ даже многие субъекты Федерации уже слишком большие первичные территориальные единицы. Более подходят для этой цели муниципальные образования.

- Предоставление помощи исходя из принципа дискриминации, преимущественно позитивной, и дополнительности. В РФ это перераспределение средств оценивается в целом негативно, как нарушение некоего принципа территориальной справедливости. Не забыты «идеалы» территориального хозрасчета.

- Развитая законодательная база федерального (общественного) уровня. В РФ по некоторым субъектам были приняты федеральные законы, но сохранился лишь один (по Калининградской области, сильно отличающийся от оригинала). Можно упомянуть и закон, регулирующий развитие северных территорий, но он не покрывал всю страну и имел рамочный характер. Законодательная база имеет фрагментарный характер.

- Собственный бюджет на 5-7 лет и достаточный для реализации поставленных целей. В РФ нет ничего похожего. Даже выделяемые средства идут не туда, где плохо, а туда куда надо, являясь инструментом «большой» политики.

- Собственные институты власти (законодательной и исполнительной). В РФ формально есть вся необходимая для региональной политики институциональная инфраструктура. В обеих палатах парламента есть профильные комитеты. Уже более 20 лет существует под разными названиями необходимое министерство (на данный момент – Министерство регионального развития). Есть структурное подразделение в Администрации Президента. Помогает Общественная палата. Но все эти институты власти ориентированы на все что угодно, кроме региональной политики, даже в короткий период существования Министерства региональной политики.

-Инструментарий для «доставки» помощи. Последнюю можно разделить на прямую, и косвенную (субсидии инвесторам – улучшение инвестиционного климата, поощрительные и ограничительные). В РФ опять фрагменты и «любовь» к налоговым льготам, считающиеся в развитых странах одной из наиболее непрозрачных инструментов помощи.

- Развитая научная база, в основном на базе университетов. Последние готовят и кадры для региональной политики. Научное «сопровождение» не включает в качестве обязательной, работу экспертов.

Использование Западного опыта и российского могло бы очень помочь становлению в России региональной политики. Но их адаптация – это отдельная научная проблема.

Исторические корни современной российской региональной политики понятны. Но с точки зрения развитых стран, в РФ она отсутствует.

Мы живем под собою, не чуя страны
(О.Мандельштам)

Часть 2. Одна из особенностей Западной региональной политики – ее подгонка под особенности «избранной» территории. В РФ эта проблема даже не обсуждается. Отсюда много накладок. Отдельные эксперты ограничиваются сменой названия территории, при разработке плана развития новой территории.

Слова М.В.Ломоносова «незнание России велико есть» не устарели. Широко распространено мнение, что управление территорией не требует ее знания. Региональные проблемы требуют более высокого уровня управленцев. У Власти есть две возможности: облегчить задачи или поменять исполнителей.

Подготовка специалистов по решению региональных проблем целенаправленно не ведется. В эту сферу приходят экономгеографы, экономисты, социологи, архитекторы. Возможности повысить свою квалификацию в новой сфере практически отсутствуют. Зарубежный опыт доступен немногим, впрочем, нет особого интереса и к опыту отечественному.

Выводы

1. Российская региональная политика развивается по собственной «траектории», в результате чего, теряет свою идентичность. С западной

- точки зрения наши подходы к региональной политике коренным образом отличаются. На лицо лишь не слишком отлаженная машина для решения территориально-сконцентрированных этнополитических проблем.
2. Последние 10 лет практически невозможно найти примера успешного решения региональных проблем федерального уровня (реформа местного самоуправления, объединение субъектов федерации, моногорода ...).
  3. Территориальные проблемы сложны уже по тому, что вводят еще одно измерение – положение в пространстве. Они оказываются не под силу нынешним кадрам и ставят на повестку дня вопрос о симплификации задач или замене чиновников и экспертов.
  4. Становление нормальной, западного типа, региональной политики, невозможно, без ее информационного обеспечения.
  5. Существуют две проблема российской региональной политики – это отсутствие многих необходимых элементов и недоучет принятия решений, конкретики тех или иных регионов и ареалов. Решения принимаются на базе фрагментарного знания территории, без учета ее особенностей, затрудняющих или благоприятных для ее развития.

BOUNDARY MAINTENANCE AND MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Horie Norio - *Professor, Vice-Director of Center for Far Eastern Studies, University of Toyama (Japan)*

Notions of “otherness” and “difference” have been used to show the political and cultural impact of migration on the receiving countries’ sovereignty and national identity. Racial and ethnic similarity and dissimilarity are often used by social scientists as the divide between migrants and the native population. Meyers’s hypothesis “Large-scale immigration of dissimilar racial or ethnic composition contributes to restrictions on immigration in terms of size and composition of immigration” (Meyers, 2004) indicates how this division is crucial for understanding international migration policies which tend to have common direction at the same moment. With respect to Russia, such a hypothesis is somewhat too simplistic to adequately explain national migration policy. In this paper I will examine this rhetoric of the boundary between similarity and dissimilarity, and between insiders and outsiders in Russia.

It is difficult for Russians to reflect on what “Russian” means and what it means to be “Russian”. It is the same case in the Western world when trying to define what it means to be “white”. “Whiteness” is as much a social construction as is “blackness”, but discussions in ethnicity often implicitly base “whiteness” as the social “norm” (Phoenix, 1998). Society makes choices about how to structure membership and exclusion and it is central for cultural and identity security (Guild, 2005). Therefore the boundary between who is similar and who is not similar is a social construction. Similarity is one step to be an insider of the host society, but in Russia’s case, the division between insider and outsider does not come from steps

taken to be a similar. Let me at first consider the division between insider and outsider. For Russian migration policy, first boundary between who is an insider and who is an outsider is the division between “Near Abroad” and “Far Abroad”.

There has been a large-scale migration of workers to Russia since the collapse of the USSR. The majority of these migrant workers are temporary and ethnically varied; Tajiks, Kyrgyz, Uzbeks, Ukrainians, and Chinese are major ethnicities in this composition. In the 1990s xenophobic and racial attacks were often directed at Chinese who had crossed the eastern border of Russia and engaged in trade and commerce in Russian Far East. When the first Russian Federal Law on “Legal Status of Foreigners” was enacted in 2002, Russia introduced restrictive control measures, such as work permits for foreign workers, employment permits for employers, work permit quotas, migration cards, and so on, aimed at foreign workers from countries without visa-free agreements with Russia. Although most of these measures were also required of migrant workers from visa-free countries in 2007, this group still enjoyed some advantages. Since they do not need a visa to enter Russia, they also do not need to obtain a work permit before being permitted to enter Russia. For migrant workers from non visa-free country, a work permit must be gotten before they can apply for a work visa. Therefore, the Russian labor market has been opened more widely to migrant workers from the Near Abroad (countries of the former USSR), especially from Uzbekistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan, than to those from the Far Abroad (countries outside of the former USSR), especially from China, Vietnam, and North-Korea, which are traditionally the main eastern source of migrant workers outside the territory of the former USSR. The first design to control migrant workers flows had a clear contrast between controls for citizens of the former USSR and controls for peoples from the rest of the world. As Ivakhniouk argued, Russian authorities tend to view the movement of former Soviet citizens as an “internal” process like it was before the collapse of the USSR rather than “international” (Ivakhniouk, 2007, p.81).

The above fact means Russian authorities have long considered ethnic groups from the former USSR as “insiders,” not as “outsiders” like Chinese, Vietnamese, and Koreans. The increase in “insider” ethnic groups in daily life in Russia has been drastic. On February 23, 2006, the roof over Moscow's Basmanny market collapsed from a combination of snow buildup and questionable construction. This accident killed at least 66 people, among whom were 45 Azerbaijani citizens, eight from Georgia, five from Tajikistan, and three from Uzbekistan, all having come to Russia as labor migrants. It reminded local citizens that Russian society is socially and economically divided into two distinct groups: locals and labor migrants from countries of the former USSR, mostly from South Caucasus and Central Asia⁴³. Russian society has long pondered the question their identity. Such social changes in Russia help to demonstrate how racialization and ethnicization of former compatriots⁴⁴ from Central Asian and Caucasian countries occurs in Russia. Russian

---

⁴³ Eurasia Daily Monitor at http://www.jamestown.org/edm/article.php?article_id=2370820.

⁴⁴ The term “compatriots (соотечественники)” is a confusing and loose term as examined by Kolstoe (2005, pp. 261-263). They are persons born in one state, who live or once lived there and possess elements such as common language, religion, cultural heritage, traditions and customs, as well as descendants of such persons in their family line as defined in the Federal Law on “state policy of Russian Federation for compatriots living abroad”. Therefore Russian government virtually defines compatriots as Russian-speaking people in the territory of the former Soviet Union. The

society faced the task of answering the question what “Russian” meant and what it meant to be “Russian”.

In Russian migration policy, the boundary between the Far Abroad and the Near Abroad is crucial to divide their insiders from outsiders. Russian elites, especially Russian neo-imperialists, are loath to think of the citizens of countries of the former USSR as “outsiders” (Kolstoe, 1995, p.259). The peoples of the Near Abroad enjoy quasi-internal mobility throughout the territory of the former Soviet Union.

A second type of the boundary is the degree of “Russification”. The term “Russification” is used to describe Russian political and cultural influence on and within the countries around Russia in various ways. I like to use this term in the way Vendina defined it (Вендина, 2005). She described this term as “Idealization of Russian in Russia's history, giving the Russian national culture and traditions as the absolute values in their dogmatization” (Вендина, 2005, p.54). For migrants it shows the degree to which they act “Russian”.

Even if former compatriots are viewed by Russian policy-makers as “internal” migrants, the question arises: Do Russian citizens consider them similar? As the number of foreign workers has rapidly increased since 2000, so have xenophobic and ultra-nationalistic attacks on persons from Central Asian and Caucasian countries. Mukomel’ also warned that any integration policy cannot succeed when Russia cannot protect migrants from xenophobic and anti-foreigner movements, which often generate violence (Mukomel’, 2010, p.39). What we should focus to understand why such people from Central Asian and Caucasian countries are often excluded by Russian society is the boundary –maintenance between Russian nationals and former compatriots.

Chinese migrant workers have been a center of discussions on unwelcomed migrants. “Yellow perils” or the “Chinese threat” has been a security issue in Russia and was often exaggerated by alarmists, mass media or regional authorities in Russian Far East in the 1990s (Alexseev, 2006). They are representative of the dissimilar. The boundary between Chinese migrants and Russian citizens has been maintained mainly by social practices of Russian citizens. Russian mass media and scholars often call Chinese migrants, including temporary workers, the “Chinese diaspora”. The term “diaspora” in academic sense has never used for temporary foreign workers or businessmen in receiving countries. Furthermore Chinese migrants do not call themselves a Chinese diaspora (Ang, 2006, p.324). They call themselves “Chinese overseas” or “Oversea Chinese” because “diaspora” does not have good image (Pan, 1998, p.16). Brubaker claims “we should think of diaspora not in substantial terms as a bounded entity, but rather as an idiom, a stance, a claim” (Brubaker, 2005, p.12). All the idioms which bound “Chinese diaspora” have come from the claims of Russian authorities, mass media, scholars, and citizens. It is often pointed out that Chinese workers and businessmen exclude other ethnics from their

---

Russian government is, therefore, protective of "compatriots" abroad who are not ethnic Russians per se. In this case the first criteria of "compatriots" refers not to ethnicity but to affinity to Russian language and culture. But the citizens of the former USSR who have no affinity to Russian language and culture are excluded from the category of compatriots. Therefore I use the term “former compatriots” as the citizens of the former USSR including various ethnicities without counting languages and cultures.

business activities, and this also maintains the boundary between Chinese and Russian citizens. But as the term “Chinese diaspora” illustrates, the Russian stance and claims against Chinese migrants, including the idioms they use in daily life, has played an important role in maintaining this boundary.

On the other side, the boundary between Russians and migrants from the Near Abroad is very difficult to characterize. These were once Russified people under the regime of the former USSR. Although they fit the definition of former compatriots, most young Kyrgyz, Tajiks and Uzbeks who came to Russia in the 1990s knew neither Russian nor lived a Russian lifestyle. Hence they are not viewed as compatriots, but as foreigners by Russian local citizens (ИВАХНЮК, 2010, p.29). However, due to the Soviet-era practice of the compatriots, it is also sure that they can “pass” for Russians, and find it convenient to identify themselves as such, since it does not generate additional questions about their nationality and it facilitates both business and social interaction (Vendina, 2002, p. 227).

The Russian stereotype of former compatriots is often negative. The term “Tajiks” is often used by Russians in daily life to identify migrants from Central Asia, although all of them are not Tajiks. They are not considered Russian-speaking people and often they are called “Blacks (черные)” in Russian society (ДЯТЛОВ, 2009, p.148). Mal’kova surveyed articles published in three Moscow newspapers in 1997 to find out how the newspapers described the outsiders. Her survey revealed very negative stereotyping of Caucasian people living in Moscow (Малькова, 1998). Vendina quoted her survey and claimed that intolerance of Russian society and perceived incompatibility of cultures were serious impediments to successful integration of immigrants in Moscow city. She summarized that newspapers in Moscow routinely conveyed the impression that “the majority of representatives of national minorities in the capital are criminals and it is necessary to be afraid of them and stand aside (on the street)” (Vendina, 2002, p.226). Dyatlov wrote, “My students at the training course interviewed the migrants. They take it very differently, but many of them were surprised from the bottom of their hearts, ‘They are people just like us.’” (Дятлов, 2009, p.149). Surprisingly, the Russian negative attitude toward Caucasus people, low as it is, is rather higher than their attitude to Chinese. The opinion survey conducted by Levada Center in 2005 showed 50% of respondents support limiting residence of Caucasians in Russia, 46% support limiting residence of Chinese, and 31% support limiting residence of Central Asian people in Russia (Чарный, 2008, p.63). Former compatriots have a much greater possibility to “pass” or overcome the boundary between Russians and the others, but Russian society as a whole strongly wants to maintain a boundary with them. Classifying former compatriots as either similar or dissimilar is extremely difficult. They are the insiders of the former USSR, but can easily slip in status to “the others”. This boundary primarily depends on the type of interaction, and changes at whim or convenience in a way that always benefits the host society.

I discussed the boundary maintained between Russian citizens and former compatriots. They are not often treated as similar, but as former compatriots they are considered insiders. This is the way they are conveniently included in Russia’s labor market yet excluded from Russian society. Russia needs to institute better integration

policy if it truly wants to diminish boundaries and harmonize divisions. Different categories of migrants have their own integration goals. Some groups want adaptation, while others seek integration. Migration policies should be tailored to the various immigrant groups to best facilitate linguistic, cultural, social, economic adaptation and integration.

References:

1. Alexseev, Mikhail, 2006, *Immigration Phobia and the Security Dilemma: Russia, Europe, and the United States*, Cambridge University Press.
2. Ang, Ien, 2006, *Undoing Diaspora: Questioning Global Chineseness in the Era of Globalization*, Hong Liu ed., *Conceptualizing and Historicizing Chinese International Migration*, London: Routledge, pp.321-343.
3. Brubaker, Roger, 2005, *The 'diaspora' diaspora*, *Ethnic and Racial Studies*, Vol.28, No.1, pp.1-19.
4. Guild, Elspeth, 2005, *Cultural and Identity Security: Immigrants and the Legal Expression of National Identity*, E. Guild and J. Selm eds., *International Migration and Security: Opportunities and Challenges*, NY: Routledge, pp. 101-112.
5. Ivakhniouk, Irina, 2007, *Eurasian Migration System: Theoretical and Political Approaches*, Vladimir Iontsev ed., *Migration and Development, Scientific Series: International Migration of Population: Russia and the Contemporary World Vol. 20*, Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.
6. Kolstoe, Paul, 1995, *Russians in the Former Soviet Republics*, London: Hurst & Company.
7. Meyers, Eytan, 2004, *International Immigration Policy: A Theoretical and Comparative Analysis*, Palgrave Macmillan.
8. Pan, Lynn (ed.), 1998, *The Encyclopedia of the Chinese Overseas*, Chinese Heritage Center.
9. Phoenix, Ann, 1998, *Representing New Identities: 'Whiteness' as Contested Identity in Young People's Accounts*, K. Koser and H. Lutz eds., *The New Migration in Europe: Social Constructions and Social Realities*, NY: Palgrave Macmillan Press, pp. 109-123.
10. Putin, Vladimir, 2012, *Russia: The Ethnicity Issue*, <http://premier.gov.ru/eng/events/news/17831/> (accessed 18 May 2012).
11. Vendina, Olga, 2002, *Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow*, *Eurasian Geography and Economics*, 43 (3), pp. 216-243.
12. Ивахнюк, Ирина, 2010, *Как преодолеть страх чужого?*, *Миграция XXI век*, No.1, pp.26-29.
13. Вендина, Ольга, 2005, *Миоранты в Москве: Грозит ли российской столице этническая сегрегация?*, *Миграционная ситуация в регионах России: Выпуск третий*, Москва: Центр миграционных исследований.
14. Дятлов, В.И., 2009, *Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов*, *Международные исследования: Общество. Политика. Экономика*, 1(1), pp.140-153.
15. Малькова, В.К., 1998, *Москва многонациональная: конфликт или согласие?*, *Исследование по прикладной и реотложной этнологии*, No. 115, Институт

этнологии и антропологии РАН.

16. Чарный, Семён, 2008, Ксенофобия и нетерпимость в современной России и за рубежом. Мониторинг и анализ, Москва: Московское бюро по правам человека, «Academia».

«СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ КАК «ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» РОССИИ»

Дохолян С.В. – д.э.н., профессор, Главный редактор научно-практического журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

Нужен ли России Северный Кавказ? Этот вопрос звучит в той или иной форме на разных уровнях: кавказскую проблему сегодня обсуждают российские политики и официальные представители иностранных государств, откровенные националисты и религиозные радикалы, экономисты и политологи, журналисты и представители «силового» блока.

В чем же ценность Северного Кавказа для России? Стратегическая значимость Кавказского региона описана в многочисленных многотомных исследованиях. Известно, что исторически Кавказский регион развивался как контактная зона различных этнических, религиозных групп, хозяйственно-культурных типов. Кавказ всегда находился на одной из главных магистралей истории, здесь сталкивались, сливались, переплетались потоки с Юга и Севера, Запада и Востока.

Ключевой ресурсный фактор Северного Кавказа – это примерно 2/3 от выхода России к Каспийскому морю, которое является ключевым энергетическим месторождением и ключевой логистической точкой мира. Доказанные запасы нефти в Каспийском море составляют около 10 миллиардов тонн (\$8 Триллионов), общие геологические нефтегазовые ресурсы Каспия оцениваются в размере от 26 до 40 миллиардов тонн условного топлива. [5]

Для России каспийский регион остается традиционной зоной национальных интересов и приоритетным направлением внешней политики, где с одной стороны необходимо укрепить свои позиции, чтобы не допустить доминирования третьих сил, с другой - освоение богатств российского и других секторов Каспийского моря, для обеспечения собственной энергетической безопасности и притока нефтедолларов.

Однако Кавказ – это и сгусток острых проблем.

С одной стороны, как оценивают некоторые эксперты: «Ситуация очень динамична, регион находится в состоянии глубокого социально-экономического кризиса и является ареной диверсионно-партизанской войны части северо-кавказцев против российских федеральных сил и одновременно – гражданской войны внутри части самих северо-кавказских этносов и республик». [1]

С другой, - резкое противопоставление Северного Кавказа и России представляется отчасти и искусственным, создаваемой в большей степени печатными и электронными СМИ.

Как показывает анализ последних событий, разворачивающихся на информационном поле России вокруг Северного Кавказа, проведение пропагандистской кампании под лозунгами «Россия без Кавказа» и «Хватит кормить Кавказ!» позволяют утверждать, о наличии желания определенных деструктивных сил дестабилизировать политическую ситуацию в стране.

За два десятка лет средствами массовой информации был сформирован негативный образ кавказца. На фоне все возрастающей кавказофобии немалая часть россиян, не знакомая с менталитетом, культурой народов Кавказа, стала воспринимать их как откровенно враждебную силу. Северный Кавказ из «жемчужины» России превратился в «горячую» точку! Однако Северный Кавказ – такая же неотъемлемая часть России как и другие регионы! Северный Кавказ – это граждане Российской Федерации, такие же люди, как и все остальные россияне, только глубина, скорость и масштабы социальной катастрофы на Северном Кавказе более значительные, чем в остальной части России.

Говоря о нездоровой атмосфере по отношению к выходцам из Кавказа в целом, нагнетаемой через планомерные провокации, через СМИ и Интернет, то тут необходимы практические шаги по профилактике, скоординированные между органами власти, общественностью регионов Северного Кавказа в частности и России в целом.

Провокация вокруг межнациональных вопросов являются следствием незавершенной политики самого нашего государства [3]

Провалом кавказской политики объясняется убеждение, что местные жители желают отделиться от России, а России приходится расходовать колоссальные ресурсы, чтобы удержать Северный Кавказ в составе Федерации.

Здесь мы затрагиваем проблему дотационности Северокавказских регионов.

Но только ли субъекты РФ на Северном Кавказе получают дотации из Федерального центра?

Нельзя не согласиться с тем, что ряд регионов выбрал тактику «выбивания» денег из Федерального центра, практически не занимаясь собственной экономикой, ведя образ этакого «региона-паразита».

В то же время существуют определенные проблемы снижения дотационности субъектов Федерации. Во-первых, «слишком много экономических перекосов осталось нам со времен СССР и 90-х гг. XX в.». Необходимо разобраться в причинах дотационности: где «исторические корни» и «наследие прошлого», а где современные проблемы управления территорией и неэффективных региональных «менеджеров».

Во-вторых, методика определения дотационности весьма сложна. Наши «межбюджетные отношения» порождают больше вопросов, чем ответов. «Переливание» финансовых ресурсов из одного «кармана» в другой и обратно под видом «дотаций» можно ли считать «поводом для упрека»? Дотационность

региона – показатель весьма условный, всё зависит от правил игры, которые регулирует федеральный центр.

В-третьих, прожить полностью без дотаций могут лишь небольшая часть субъектов Федерации – 7-12 регионов (Москва, Санкт-Петербург, сырьевые регионы и регионы, где расположены крупные промышленные центры).

В России между регионами существует сильная дифференциация по федеральной помощи Центра. Объемы этой помощи субъектам различаются порой более чем в 50 раз, а иногда и в 100 раз. Такая разница, по мнению экспертов, имеет скорее не экономический фактор, а политический характер.

И, конечно, в первую очередь указывают на Северный Кавказ. «Центру приходится подкармливать Северный Кавказ, для того чтобы обеспечить там минимальный уровень жизни для населения и чтобы снять остроту социальных проблем».

Однако, если рассматривать отдельно взятые регионы, то получается следующая картина [5]:

Таблица 1

Безвозмездные поступления на душу населения [5]

	Регион	Безвозмездные поступления на душу населения, руб.
1.	Чукотский автономный округ	93169
2.	Камчатский край	89665
3.	Магаданская область	72764
4.	Ненецкий автономный округ	68635
5.	Республика Саха (Якутия)	51555
6.	Республика Алтай	46613
7.	Чеченская Республика	45792
8.	Республика Тыва	38830
9.	Республика Ингушетия	35596
10.	Тюменская область	30160
11.	Еврейская автономная область	29230
12.	Сахалинская область	28620
13.	Республика Бурятия	22830
14.	Амурская область	22783
15.	Приморский край	21502
16.	Республика Мордовия	21269
17.	Республика Калмыкия	20804
18.	Карачаево-Черкесская Республика	20074
19.	Архангельская область	19436
20.	Забайкальский край	18297

В 20 наиболее дотационных регионов России только 3 региона Северного Кавказа, при этом не один из них не входит первую в 5-ку.

Россия кормит Кавказ не в большей степени, чем другие регионы, которые в этом нуждаются.

Проблема сегодня состоит в том, что значительные бюджетные вливания в Кавказ не приводят к сколько-нибудь заметным социально-экономическим результатам!

За десять лет (2001-2010 гг.) в экономику кавказских республик страна вкачала 800 млрд. рублей. Так, в бюджетах Чечни и Ингушетии доля дотаций

из федеральной казны составляет около 90%, в Дагестане - 75%, в КБР - 60%, в Северной Осетии и КЧР - 55%. [2]

В то же время безработица 2010 году на Северном Кавказе составила 17% (при средней по России 8%), это почти 400 тыс. человек. В Чечне официально не работает 43% экономически активного населения, в Ингушетии - все 52%. В Карачаево-Черкесии и Дагестане не заняты и не ищут работу почти 35 процентов. [4] Средний возраст безработных в кавказских республиках колеблется от 22 до 25 лет (для сравнения: в целом по стране он составляет 34-35 лет). [2]

Чем занимаются эти люди и на что они живут?

Глава статистического ведомства Александр Суринов отмечает: «Если в округе 38 процентов населения назвали одним из источников средств к существованию иждивение, помощь других лиц или алименты, а 25 процентов - пособия, включая пособие по безработице, то в среднем по России таких людей соответственно – 28 и 9 процентов. Причем для каждого шестого жителя Северного Кавказа иждивение – единственный источник». [4]

Однако в иждивенцы кавказские народы попали не по собственной инициативе. После развала СССР, как и по всей стране, здесь рухнула налаженная экономика.

Северокавказские проблемы в значительной степени являются производными от общероссийской ситуации.

Промышленность понесла значительные потери.

Аграрный комплекс практически развалился. Сельхозпредприятия с трудом выживают в условиях диспаритета цен на продовольствие и минеральные удобрения с горючим. Зарплаты на селе настолько низки, что проще получать пособие по безработице и вести собственное хозяйство.

Еще одна проблема – ускоренные процессы урбанизации приводят к росту городских жителей. Происходит отток сельского населения в города. Мы рискуем, как и в промышленности, потерять работников на земле.

О том, что надо восстанавливать экономику, создавать рабочие места и трудоустраивать мигрирующий с Северного Кавказа в центральную Россию народ, сказано уже немало. Однако все эти разговоры так и остаются декларациями о намерениях. Со стороны создается впечатление, что федеральный центр боится излишней экономической независимости Северного Кавказа.

Можно конечно сказать Северокавказские республики посажены на «дотационную иглу», а можно и так, что регионы Северного Кавказа сами с удовольствием сидят на «дотационной игле». Точнее, та часть чиновников, которая участвует в перераспределении финансовых потоков, идущих из Федерального центра. С одной стороны, дотации региону нужны, он не может без них существовать. С другой, местные администрации не стремятся к поиску собственных экономических источников развития регионов. Они все меньше рассчитывают на собственные силы, а ждут «подпитки» сверху. Здесь основная стратегия – борьба за объемы дотаций.

Неслучайно, что одной из задач поставленной Александру Хлопонину при вступлении в должность полпреда Северо-Кавказского федерального округа, было наведение порядка в региональном аппарате власти. Как сказал тогда В.В. Путин «... сегодня они [региональные власти] порой сами живут по себе, отстраняются от проблем регионов, часто плодят коррупционность, некомпетентность, административные барьеры, участвуют в межклановых и бизнес-разборках и тем самым дискредитируют государственную власть». Больше добавить нечего!

Ситуация в мире и стране меняется и регионы уже не смогут рассчитывать на те значительные финансовые «вливания», которые были раньше. Дотации будут сокращаться.

Поэтому сегодня необходимы радикальные меры по реформированию Северокавказской экономики. Времени нет, идут необратимые процессы. Северный Кавказ скатывается к тому патриархальному укладу, который был сто лет назад.

Сегодня Северный Кавказ, как регион, с длительной социальной депрессией, не может за счет собственных средств преодолеть сложившееся отставание. Необходим поиск выхода из сложившейся ситуации, так как длительное пребывание в таком состоянии может еще в большей степени усилить социальную напряженность и вызвать социальные конфликты и еще более осложнить обстановку в этом взрывоопасном регионе, имеющем исключительное значение для национальной безопасности России.

Выход экономики Северокавказского региона из глубокого затяжного кризиса сегодня в решающей мере связан с оживлением инвестиционного процесса, без которого невозможно восстановить производство и перейти к экономическому росту.

Инвестиции являются базовым условием выхода экономики Северокавказских республик из кризиса. По сути инвестиции - это ключ к развитию экономики региона.

Проблема привлечения инвестиций в регион связана и с «террористической активностью», и с «коррупционностью чиновников» (добавим ещё и их не высокой компетентностью), и с клановостью руководства и ещё с многими другими причинами.

Но главное видится в том, что нельзя «по мановению волшебной палочки» изменить инвестиционный климат на Северном Кавказе. Поскольку деньги любят тишину и спокойствие, инвесторы сегодня предпочитают другие более стабильные регионы, а то и другие страны. Это проблема даже не одного отдельно взятого региона, а в страны в целом.

Республики Северного Кавказа длительное время находились «на задворках» российской экономики, снискали в бизнесе репутацию «неудобного», «ненадежного» и в целом «неинтересного» для бизнеса партнера.

Учитывая, что на сегодня в Северокавказских республиках нет возможности сформировать полноценный залоговый фонд, только

государственные гарантии под инвестиционные проекты без сомнения могут продвинуть процесс их реализации.

Привлечение инвестиционных средств местных товаропроизводителей дело утопическое: денег на инвестиции нет и не будет.

В инвестиционном процессе могли бы принять участие российские предприниматели – выходцы с Северного Кавказа. Однако, «инвестиции» и «патриотизм» понятия несовместимые. С «патриотизмом» хорошо сочетается «спонсорство», «меценатство», но бизнес есть бизнес. Ни один нормальный предприниматель не будет равнодушно смотреть, как его инвестиции «осваиваются» чиновниками разных уровней, а инвестиционный проект так и остаётся на бумаге.

Сегодня пассивность успешных деловых людей-кавказцев, которые состоялись как бизнесмены за территорией Кавказа, их нежелание активно инвестировать в экономику родных республик является своеобразным сигналом для всех инвесторов.

В распоряжении Москвы сегодня нет иных мер, кроме привлечения конкретных инвестиций при участии госбанков и корпораций по развитию Северного Кавказа. Только так появятся проекты, которые в последствии могут стать «точками роста» и потянули за собой другие, что будет способствовать изменению деловой среды. Однако это долгая перспектива, требующая терпения и времени. И сегодня вопрос в том, есть ли в наличии как первое, так второе.

Стимулировать экономическую активность Северокавказских республик сегодня пытаются при помощи создания особых экономических зон.

Стоит отметить, что на территории СКФО особые экономические зоны уже существовали, в частности, на территории Ингушетии в 1994-1999 годах, но не решили проблем региона.

На Северном Кавказе наиболее благоприятной для создания ОЭЗ считается туристско-рекреационная сфера.

Однако не достаточно объявить ту или иную территорию туристско-рекреационной ОЭЗ. Существующая сегодня в России инфраструктура туристического бизнеса не соответствует мировым стандартам. Огромное количество наших граждан сейчас выезжают за рубеж и видят современные туристические комплексы, современный менеджмент. В туристско-рекреационных зонах, по сути дела, необходимо построить новую современную инфраструктуру отдыха.

Чтобы привлечь туристов, нам нужно конкурировать по уровню сервиса с Турцией и Болгарией, а еще лучше с Испанией и Францией.

Еще одна проблема – межэтнические и религиозные противоречия, которые также необходимо учитывать при создании ОЭЗ. И конечно, необходимо обеспечить безопасность приезжих отдыхающих людей. Это вопрос сегодня №1!

Решение проблем Северного Кавказа лежит не только в экономической плоскости, но и в наличии политической воли и понимании того, как управлять беспокойным регионом.

Рассматривая проблемы экономического развития, мы выделили в качестве одной из ключевых, наличие на Северном Кавказе мощной клановой системы со своими порядками и законами.

А какие вообще законы действуют на территориях северокавказских республик? Сегодня традиции здесь важнее законов государства. «Законы гор», по сути, определяют сознание местного населения, интересы тухума, тейпа, клана формируют поведение человека на государственной службе...

Клановая система плодит коррупцию, отпугивает «посторонних» инвесторов, препятствует вертикальной мобильности молодежи. Проблема сегодня состоит в том, что альтернативы этой системе в ближайшее время пока не видно, и именно на нее федеральный центр как опирался, так и опирается.

В общем, для начала надо признать: северокавказские республики фактически превратились во «внутреннее зарубежье», которое, формально находясь в составе Российской Федерации и используя ее финансовые ресурсы, давно живет по своим собственным установкам и реализует свои интересы.

Политика бесконтрольного бюджетного «вливания» (это подтверждается материалами той же Счетной палаты) породила иждивенчество. Значительная финансовая помощь последовательно «гасит» все внутренние инициативы в развитии экономики региона своими силами. При этом увеличение размера помощи становится главной задачей социально-экономической политики региональных властей.

Чтобы начать решать проблемы Кавказа по-настоящему, нужно оздоровить Российское государство.

Мы можем сколько угодно критиковать образ жизни северокавказских национальных образований, но важно признать, что живут они так, как им позволяет Москва. Все ключи от решения проблем Северного Кавказа находятся в Москве, и пока руководство страны не перейдет от лозунгов и «умасливания» региональных элит к реальным действиям по интеграции регионов в российскую экономическую и правовую систему, ситуация на Северном Кавказе не изменится.

Не надо заигрывать с террористами и заниматься популизмом, необходимо жестко пресекать национальную вражду и поднимать экономику. Дело не в национальностях, а в экономической деградации региона с быстрорастущим населением, коррупции и откровенном бандитизме.

Любые попытки искусственного отмежевания «проблемного» региона чреватые развалом страны! Наивно полагать, что «отчленение» пусть даже и проблемного региона принесет всем остальному населению страны долгожданное счастье и процветание. И наоборот – «освобождение от России» никогда не превратит кавказский регион в процветающий оазис.

Следовательно, сегодня для сохранения целостности страны необходимо сохранение в ее составе и Северного Кавказа. В противном случае никто не даст гарантии того, что дробление страны на части на этом закончится.

Сегодня важно вернуть территории Кавказа в правовое поле России чтобы они стали, наконец, субъектами Федерации. Единая страна - это единая

правовая система, единая культурная система. Единые законы на всей территории.

Мы живем в многонациональном государстве, в котором нужно создать общую культуру и создать общую цивилизацию.

Обеспечение равного соблюдения законности для всех, борьба с коррупцией, защита прав человека – вот те условия, которые смогут обеспечить построение стабильного и способного к развитию как «проблемного» Северокавказского региона, так и единого Российского государства.

Литература:

1. Авраам Шмулевич - вероятность возникновения новой войны на Кавказе [Электронный ресурс] <http://www.apn.ru/publications/article26239.htm>
2. Вне зоны действия [Электронный ресурс] http://www.opengaz.ru/issues/10-451/vne_zoni_deistviya.html
3. Инициативное Письмо Ткачёву [Электронный ресурс] <http://mikhail-77.livejournal.com/50109.html>
4. Кавказцы - рожденные воевать [Электронный ресурс] <http://www.georgiatimes.info/interview/74174.html>
5. Реальный размер дотаций Северному Кавказу [Электронный ресурс] <http://businessmsk.livejournal.com/5640.html>